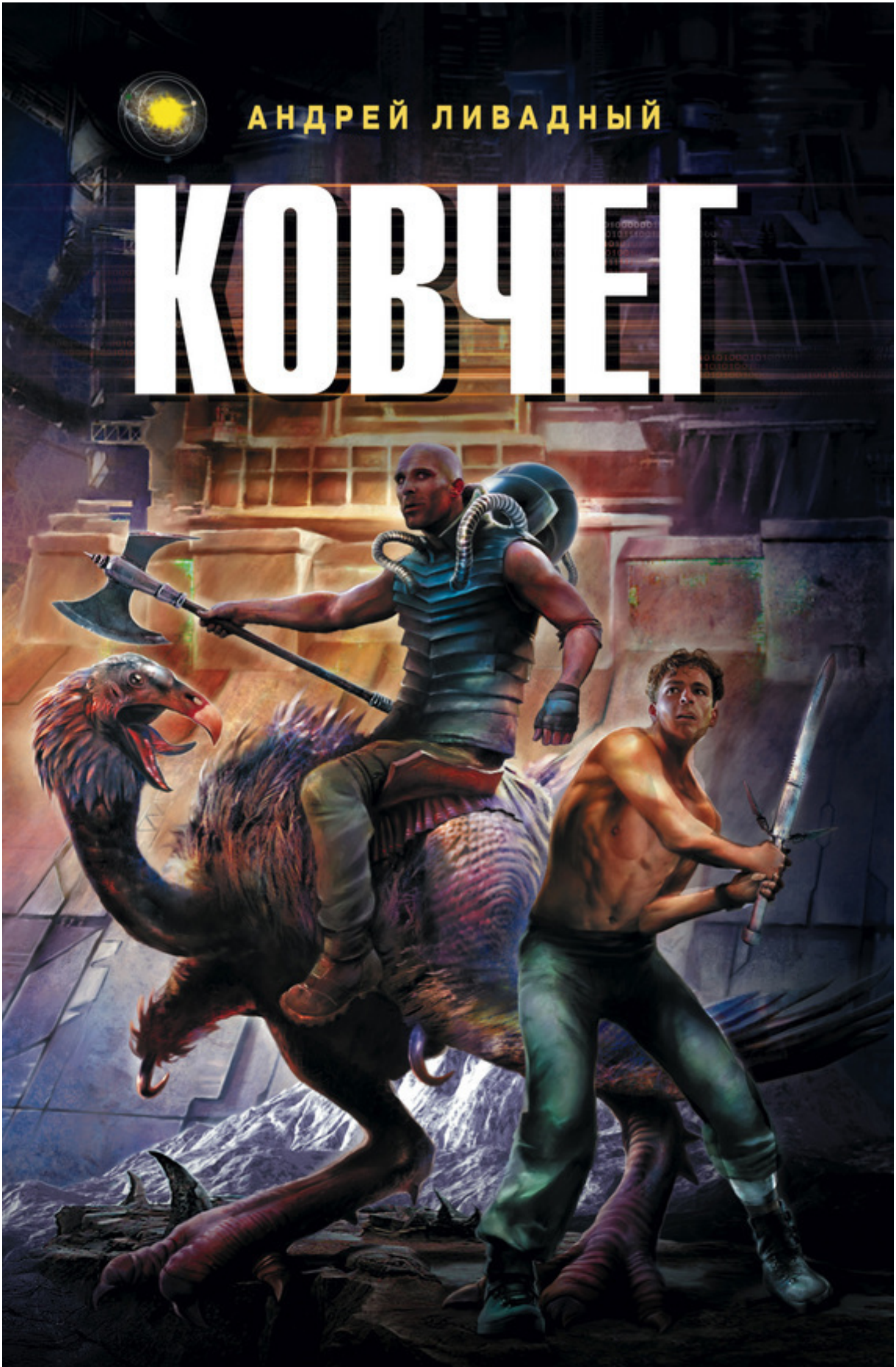
АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
КОВЧЕГ

Андрей Ливадный

Ковчег

«Автор»

2000

Ливадный А. Л.

Ковчег / А. Л. Ливадный — «Автор», 2000

Две тысячи лет назад глобальная катастрофа превратила межзвездный исследовательский корабль «Ковчег» в «летучий голландец». Однако жизнь на нем сохранилась. Полуразумные обитатели различных планет, собранные для проведения эксперимента по ускоренному развитию интеллекта, выстояли, приспособились к новым условиям и принялись сражаться за лидерство под искусственным солнцем Ковчега, храня память о таинственных и могучих Богах, когда-то низвергнутых их предками, и страшась возмездия. Но однажды старые легенды нашли реальное подтверждение…

© Ливадный А. Л., 2000
© Автор, 2000

Содержание

Пролог 5
Часть I 7
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 28
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Андрей Ливадный
Ковчег

…Случилось это в далеком, укутанном дымкой легенд прошлом?

Или, быть может, история любой цивилизации действительно напоминает собой бесконечное движение по спирали, где каждый новый виток повторяет некоторые события предыдущего, вознося их на более высокий уровень прогресса, – и тогда все описанное произойдет в далеком для нас будущем?

Я не знаю. Пусть каждый из вас судит об этом сам…

Автор

Пролог

Маленький шар видеосканера неторопливо плыл вдоль стены широкого, вырубленного в монолите скалы прохода, придерживаясь своего обычного, предписанного программой маршрута.

Он являлся лишь простым, весьма бесхитростным автоматом с ограниченным набором функций.

Главной задачей «глаза» (так в шутку называли его техники) была передача данных, осмыслить которые он не мог. Для этого под титановой оболочкой шара размещалось слишком мало электронных мозгов.

Простой видеосканер. Глупый прибор, переживший своих хозяев. Один из немногих немых свидетелей падения Богов.

Сканер продолжал свой нелепый полет.

Нелепый, потому что его работа больше не требовалась тем, кто валялся на кафельном полу тоннеля в лужах собственной крови.

Сканер плыл в генерируемом им же самим поле антигравитации, а вокруг лениво мигал аварийный свет, да еще монотонный голос, исторгаемый из динамиков общей сети интеркома, механически твердил набор одних и тех же отрывистых, несущих ясный, законченный смысл фраз.

То был глас осиротевшего кибермозга, который вещал с похоронной монотонностью отлично отлаженной машины:

– ВНИМАНИЕ!.. ОПАСНОСТЬ!.. НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ!.. ЗАФИКСИРОВАНО ВТОРЖЕНИЕ ЧУЖИХ ОРГАНИЗМОВ ИЗ СЕКТОРА ЭКЗОБИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ!..

Люди лежали там, где их застала внезапная смерть. Лица некоторых еще хранили на своих чертах печать безмерного удивления и какой-то горькой обиды, словно все, что произошло тут, являлось не просто смертью, а неким предательством, страшным, несправедливым, не сообразующимся ни со здравым смыслом, ни с понятиями элементарной благодарности.

Те, кто привел сюда смерть, едва ли понимали, какой отлаженный, тщательно продуманный механизм поддержания жизни разрушают в своем первобытном гневе. Для них не существовало таких понятий, как «жизнеобеспечение». До осознания смысла данного слова варварам предстояло пройти свой путь развития длиной в миллионы лет…

Но был ли им отпущен необходимый для такой эволюции срок?!

Скорее всего нет. Ведь последствия их безумства уже сказывались. Что-то рушилось, тяжко содрогаясь, и по уцелевшим компьютерным терминалам, со следами ритуальной крови на брошенных клавиатурах, метались безумные гаммы предупреждающих огней.

Те, кто уничтожил Богов, сами умирали в тяжких корчах разрушающегося Мира. Они попытались использовать то, чего не могли осмыслить, и техника Богов щедро воздавала им за глупую, варварскую самонадеянность.

Толпы примитивных, обезумевших созданий носились в ужасе по новым, открывшимся волею катастроф ареалам обитания, день ото дня ожидая своего неминуемого конца, но… наступил некий переломный момент – взрывы пошли на убыль, все реже рушились стены или обваливались секции высоких, порой недостижимых для глаза потолков. Мир все еще содрогался, но реже стали странные, громоподобные голоса, больше не вырывались из покореженных, туннелеподобных труб безумные, сметающие все на своем пути смерчи, где-то выросли новые стены, непонятно какой силой изринутые из монолитного на вид пола и… Мир выжил!

Проверка катастрофой, тест на предельную нагрузку показали, что предки тех людей, чьи тела валялись на полу коридора, воистину создали то, что нельзя разрушить!.. И долгая, затянувшаяся на неопределенный отрезок вечности агония их детища явилась трагичным, посмертным свидетельством инженерного гения…

Жизнь продолжалась там, где ее присутствие казалось немыслимым, неуместным…

…И тот самый видеосканер еще долгое время продолжал скользить вдоль закругляющейся стены, на которой кое-где виднелись побуревшие отпечатки окровавленных ладоней, а монотонный голос машины по-прежнему вещал, исправно исполняя свой бесконечный погребальный гимн, которому было суждено теперь звучать столетиями меж этих неживых стен:

– ОПАСНОСТЬ!.. ВТОРЖЕНИЕ!.. ПОТЕРЯ УПРАВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИЙ!.. СИСТЕМА ТЕПЕРЬ ПОД ВОЕННЫМ КОНТРОЛЕМ! ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ НЕМЕДЛЕННО ПРОСЛЕДОВАТЬ В УБЕЖИЩА!.. ПОВТОРЯЮ: СИСТЕМА ТЕПЕРЬ ПОД ВОЕННЫМ КОНТРОЛЕМ! ВСЕМ ПРОСЛЕДОВАТЬ…

Часть I
Рожденный из грязи

Глава 1
Подарок алтаря

Эргавс, удрученный своими совсем, надо сказать, невеселыми мыслями, медленно брел по дороге вдоль высокой, закругляющейся кверху стены. По правую руку от Управляющего простиралось поле, совсем недавно засеянное соей. Вид у посадок был удручающим, и именно это безрадостное зрелище торчащих из земли чахлых, обглоданных побегов заставляло Эргавса вздыхать и качать головой.

Нашествие крыс оказалось внезапным и опустошительным. Глядя на тонкие стебельки, сочные макушки которых начисто объели полчища грызунов, Управляющий понимал, что от этого поля в данном сезоне уже не будет никакого толка.

«Мрачные Боги… – думал он. – Вы обрекаете меня на мучения, а за что?! – Эргавс нахмурился, отчего сошлись вместе его кустистые брови, а нос чуть вздернулся, приподнимая верхнюю губу. Из глотки Управляющего вырвалось низкое, раздраженное рычание. – Вы несправедливы ко мне, – мысленно продолжал он свой монолог, адресованный незримым, но вездесущим, по мнению Эргавса, оппонентам. – Ведь Амбуш не станет слушать никаких оправданий. Это его предки свергли вас с сияющих престолов, так за что должен страдать я – потомок невинного народа?» – Такая своеобразная, раздраженная молитва крутилась в голове Управляющего, пока он шел краем разоренного поля. Теперь ему придется отчитаться за будущий неурожай. Конечно, Амбуш не станет выслушивать его объяснений – ведь Высокородным этнамам нет никакого дела до трудностей своих подданных. Тот, чьи руки обагрены кровью Богов, не станет снисходить до мелких, сиюминутных проблем собственных вассалов…

«Эх, если бы у меня было достаточно клонгов, чтобы поставить пост у каждой дыры, что проделало время в стенах Мира, то уж, пожалуй, крыс можно было б остановить…» – думал Эргавс, машинально повернув в длинный тоннель, что отходил от края поля, в том месте, где стена Мира начинала плавно изгибаться. Недавно тут, разбирая старинный завал, нашли несколько скрытых помещений, и он, погрузившись в безрадостную задумчивость, вдруг неосознанно подчинился давнему желанию – пойти взглянуть, что же там, собственно, обнаружили?..

Когда Эргавс понял, что ноги самостоятельно принесли его к обрушившемуся участку стены, поворачивать назад было поздно. Часовой, оставленный подле дыры, что вела в новый придаток их Мира, уже заметил его и лениво встал с грязного пола тоннеля, выставив вперед длинное копье.

– Стой! – хрипло и недружелюбно произнес он, гортанно растягивая звуки.

Верхняя губа Эргавса опять злобно вздернулась, – часовой был грязным, тщедушным и оборванным, но он принадлежал к народу этнамов и потому думал, что ему позволено орать на Управляющего, который, к своему непреходящему разочарованию, родился среди сенталов…

«Сын дохлого шерстобрюха… – подумал Эргавс, замедлив тем не менее свой шаг. – Твоя мать, должно быть, согрешила не с этнамом, а с крысой, дав тебе такую гнусную рожу…»

Действительно, внешний вид стражника никак не соответствовал утверждению Правителей Эрди об их божественном происхождении. Тот, в ком течет кровь Падших Богов, никак не может быть таким грязным, словно это не этнам вовсе, а какая-то замызганная половая тряпка. Голубой подшерсток, давно не мытый и не чесаный, покрывал тело этнама сплошной серо-

голубой коростой, а на лице, как успел мысленно подметить Эргавс, он отсутствовал вообще, открывая взгляду коричневые складки кожи.

– Ты не узнаешь меня, этнам? – тем не менее вежливо осведомился он, остановившись в нескольких шагах от часового, который выставил вперед копье, целя в грудь непрошеного визитера. – Я – Управляющий Полями!

– Вот и иди на свои поля! – зло мурлыкнул часовой.

– Но я должен осмотреть новый участок Мира, – резонно возразил ему Эргавс. – Амбушу не понравится, если пригодный для возделывания участок будут пропущен только из-за того, что ты не пустил меня осмотреть новую землю!

Слова Эргавса, сказанные уверенным тоном, заставили часового задуматься. Конечно, он узнал Управляющего Полями, но разве мог этнам, чьи предки свергли Богов и завоевали Мир, подчиниться требованию какого-то сентала – волосатого слуги? По крайней мере, делать это сразу было неприлично. Этнам для того и рожден этнамом, чтобы волосатые знали свое место… Хотя, с другой стороны, не пускать его совсем не было никакого резона…

– Ладно… – хмуро кивнул часовой, проведя такой мысленный диспут с собственным, не очень, кстати, развитым, сознанием. – Ты можешь войти, – он опустил копье и с безразличным видом вновь сел на грязный пол тоннеля. – Только предупреждаю: нет там никакой земли. Только больное железо и старый Алтарь,[1] – высокомерно поведал он. – Да еще Пасть-Которая-Жрет-Отходы,[2] – добавил часовой, уже потеряв всякий интерес к Эргавсу и впадая в обычную для себя сонную меланхолию.

Управляющий Полями не стал тратить время и силы на гнев. К этому чувству можно вернуться позже, а сейчас он просто протиснулся мимо часового в узкую щель, которая больше напоминала трещину в стене, чем нормальный вход.

Новый участок Мира показался Эргавсу даже более бесполезным, чем предположил охранник. Несколько комнат с провисшим потолком, соединенных между собой арочными проходами, заливал тусклый, красноватый свет.

Остановившись на «пороге», сразу за трещиной, Эргавс некоторое время, подслеповато прищурившись, созерцал «больное железо», которое торчало тут и там, демонстрируя рыжие пятна поразившей его шелушащейся проказы, а затем сплюнул на покрытый гладкими пластинами и заваленный мусором пол. «При таком освещении тут, конечно, ничего не будет расти, – решил про себя Управляющий, – даже если я велю клонгам натаскать сюда земли…»

Конечно, разве день, начавшийся с нашествия крыс, может принести что-нибудь, кроме новых разочарований?

Пока он размышлял, стоя у стены, глаза свыклись с красноватым сумраком, и он, движимый не до конца удовлетворенным любопытством, пошел вперед.

Эргавс никогда не понимал, отчего Мир устроен именно таким образом. Слушая легенды о могуществе Падших Богов, он все чаще начинал сомневаться в рациональности современного положения вещей. Предания рассказывали о том, что раньше, до первого греха, этнамы и сенталы жили в покое и счастье. Вокруг было много еды и света, Боги часто навещали их, а когда те отсутствовали, то горячая молитва перед Алтарем всегда оставалась услышанной, и любой, кто взывал к Богам, как правило, получал то, что хотел.

«Зачем этнамы нарушили то течение жизни? – часто спрашивал себя Эргавс. – Если предания не лгут, то Мир был гораздо лучше, когда им управляли Боги. Теперь же все совсем не

---

[1] Алтарь – терминал компьютера, приспособленный для восприятия элементарных запросов со стороны первобытных обитателей экзобиологических зон «Ковчега». Очевидно, позднее это название распространилось на все компьютеры без исключения.

[2] Пасть-Которая-Жрет-Отходы – атомный конвектор, утилизатор вещества, аварийный источник питания для систем «Ковчега».

так, как то живописуют легенды. Когда этнамы в своем стремлении уподобиться Богам бросили тем вызов, все изменилось, и далеко не в лучшую сторону…»

Такие мысли считались преступлением, но Эргавс не боялся явной крамолы, что жила под его волосатым, чуть приплюснутым черепом. В конце концов, никто не мог узнать о ней, а в обществе он всегда вел себя благоразумно, не высказывая подобных суждений вслух. Просто он понимал, что ему как Управляющему Полями жилось бы намного проще, возьми на себя часть его забот Падшие Боги.

Но это было невозможно. От Богов остались лишь Алтари да перекореженный Мир, полный больного железа. И еще глупые, скрипучие голоса, что часто донимали тех, кто осмеливался покинуть обжитой участок и выйти на простор Сумеречной Зоны – огромного мертвого и опасного пространства, которое простиралось над освещенным, плодородным участком, где уже много лет обитали два народа: этнамы и сенталы…

Легенды говорят, что раньше, при правлении Богов, предки Эргавса обитали намного выше, в тех местах, где Сумеречная Зона сейчас оканчивается мрачными, непреодолимыми вершинами Перевала Тьмы… Там, за ними, лежит та земля, которую утратил его народ…

«Нет, Падших Богов не вернуть… Они ушли, бросив Мир на медленную погибель… И земли, что лежат за Перевалом Тьмы, не больше чем очередная, красивая сказка…»

Размышляя таким образом, Управляющий Полями прошел две арки и оказался в последнем, третьем помещении, которое было намного просторнее предыдущих и оканчивалось глухой стеной. По полу бежала длинная полоса изрядно обветшавшего железа, из которой, словно зубы, торчали острые куски толстого стекла.

«Очевидно, что тут когда-то была перегородка, делившая надвое этот участок Мира», – проницательно заключил Эргавс, задрав голову. На обвисшем потолке четко выделялась точно такая полоса с зазубренными краями.

«Бессмысленный кусок Мира… Один хлам…» – с досадой подумал он, озираясь вокруг.

Однако при более тщательном осмотре внимание Управляющего привлекли два устройства, явно принадлежавших некогда Падшим Богам. Одним из них был Алтарь, а другим Пасть-Которая-Жрет-Отходы. Подойдя ближе, он заметил, что слева от Алтаря возвышается еще несколько прямоугольных постаментов, на которых, словно крысиные глаза, тускло горели маленькие, злобные огоньки.

Эргавс поежился. От этого места пахло древностью. Теми временами, когда тут ходили Падшие Боги.

«Может быть, этот Алтарь еще слышит голос тех, кто возносит молитвы? – мелькнула в его голове облеченная в форму слабой надежды мысль. – Что, если попробовать?»

Взглянув на мертвое, квадратное око Алтаря, Эргавс уловил в его глубинах собственное отражение, тусклое и неясное в красноватом свете. Внезапно Управляющего охватила дрожь. Он понял, по слою пыли и отсутствию крови, что еще никто не прикасался к Алтарю, с тех незапамятных времен.

Каждый младенец из народа сенталов знал, что Алтари непредсказуемы. Обращаться к ним – то же самое, что играть в лотерею, которую иногда устраивал Амбуш, чтобы обобрать своих не особенно умных подданных: никогда не знаешь, что выиграешь, но почти всегда отдашь больше, чем получишь. Иногда Алтари могли убить, если вдруг взрывались с треском и голубым светом. И очень редко исполняли желания. Наверное, в том были повинны Падшие Боги, что, умирая, прокляли Мир, поразив железо ржавчиной, а Алтари – безумием. «Но, может, этот не такой? – с сомнением и страхом подумал Эргавс, осторожно приближаясь к темному оку. – Может, Боги забыли проклясть его?»

Управляющий отступил на шаг и воровато, затравленно огляделся. Он был убежденным материалистом, как и большинство его сородичей. Жизнь сентала была трудна и полна тяжких

невзгод. Выживали в основном те, кто уповал на собственные силы, а не на мифы ушедших поколений.

«Хоть бы одну крысу… – нервно поежившись, подумал он. – Чем же я воздам Алтарю, когда буду высказывать просьбу?»

Ритуальная кровь была обязательным условием обращения к Богам. По крайней мере, так утверждали легенды…

«Не отдавать же свою собственную?.. – с некоторым страхом подумал Эргавс. – А быть может, мне покормить Пасть? – вдруг осенило Управляющего. – Не зря же она стоит рядом с Алтарем!.. Может, жертвоприношение, отданное Пасти, распространит свое действие и на это темное око?!»

Мысль показалась ему здравой. Управляющий знал, что Пасти – а их на территории плодородных земель было несколько – жутко прожорливы. Они охотно пожирали все, вплоть до экскрементов, и никогда не выказывали недовольства. Но они обладали едва ли не большим могуществом, чем Алтари, – стоило забыть покормить хотя бы одну из них, и последствия наступали почти немедленно. Сначала начинал мигать свет, потом он мог погаснуть, и тогда несчастные, что проявили такую беспечность, могли блуждать во мраке до тех пор, пока не исправят свою ошибку или не умрут от наступавшего вслед за мраком холода.

Эргавса все больше лихорадило от внезапного возбуждения. «Этнамы тупы… – злорадно подумал он, торопливо собирая с пола валявшийся там в изобилии мусор. – Взглянув на этот свет, можно было догадаться, что перед ними голодная Пасть», – мысленно рассуждал он. Набрав достаточно различных обломков, он осторожно подошел к темной Пасти и привычным движением ноги открыл зев приемника. Вывалив туда подношение, он отступил на шаг и застыл в ожидании эффекта от своего действия.

Прошло не меньше десяти или пятнадцати минут, прежде чем оцепеневший от страха и любопытства Управляющий Полями заметил первые признаки того, что был абсолютно прав в своей догадке насчет голодной Пасти.

Он ждал, что начнет разгораться свет, как это обычно бывало в других местах, когда тупые клонги забывали покормить свою Пасть, но в этот раз все происходило иначе. Яркие огоньки, похожие на жадно горящие во тьме крысиные глаза-бусинки, вдруг суматошно забегали по темному материалу прямоугольного выступа, который располагался в нескольких метрах от проглотившего приношение приемника отходов, и почти сразу, на глазах у парализованного ужасом Эргавса, начал оживать Алтарь.

Поганые Боги, как же он испугался! Одно дело слушать невнятные россказни старух, уже выживших из ума и ни на что не способных, кроме как болтать про старину, а другое – воочию убедиться в том, что под их словами, оказывается, крылась правда!..

Темное, квадратное око Алтаря вдруг осветилось ровным, голубым светом, и в его призрачных глубинах начали суматошно возникать какие-то значки, словно там роились черные мухи…

Эргавс вскрикнул и хотел было бежать, но запоздал с этим разумным решением…

Он стоял слишком близко к Алтарю и, что самое ужасное, не предложил тому ритуальной крови, как то предписывала традиция. И одно и другое показалось Эргавсу непростительной ошибкой, когда от Алтаря вдруг отделились два тонких, извивающихся провода. Словно живые, они метнулись к его голове и, проскользнув меж спутанных, грязных волос, плотно приросли к вискам.

Управляющий Полями не мог двинуться с места. Его ноги ослабли и начали подкашиваться. Он ждал, что обиженный, не насытившийся кровью жертвы Алтарь сейчас высосет из него всю жизнь, без остатка. Совершенно ошалевший от страха Эргавс даже на секунду представил, как с глухим стуком упадет на пол его сморщенная телесная оболочка, – но, к его изумлению, шли секунды, которые складывались в голове Управляющего Полями в гулкую

вечность, а ничего страшного не происходило. Если Алтарь и пил его жизнь, то это не вызывало болезненных ощущений, только в висках чувствовалось легкое покалывание, словно там в кожу впилось какое-то насекомое.

Он так и стоял, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в скошенный край Алтаря, на котором располагалось множество светящихся квадратиков с какими-то символами; рот Управляющего Полями был перекошен и открыт, словно в нем застыл немой крик, – так продолжалось до тех пор, пока два впившихся в виски провода вдруг не выскользнули из-под спутанной шевелюры Эргавса и страшный, гулкий голос, который шел из ниоткуда, не произнес:

– ВНИМАНИЕ! В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО! ЗАРЕГИСТРИРОВАН НЕДОПУСТИМО НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА! СИСТЕМА В АВАРИЙНОМ РЕЖИМЕ! ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА ЦЕПЕЙ! В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД, ПОСЛЕ ЧЕГО БИОКРИОГЕННЫЙ МОДУЛЬ ПОТЕРЯЕТ УПРАВЛЕНИЕ! ИНИЦИИРОВАН ПРОЦЕСС ЭКСТРЕННОЙ РЕАНИМАЦИИ! ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ! ПОВТОРЯЮ: КАПСУЛА ВЫШЛА ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩЕГО РЕЖИМА!..

Эргавс рухнул на колени перед Алтарем, в благоговейном ужасе закрывая голову волосатыми руками. Управляющий Полями не владел священным языком и не понимал ни слова, но голос – глухой, идущий сразу со всех сторон – не вызывал никаких сомнений в его божественной сути.

Разум Эргавса был подавлен не поддающимся осмыслению, страшным величием этих секунд. Он слышал голос, который, несомненно, принадлежал Падшим Богам!..

– ВНИМАНИЕ, КАРТОЧКА ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА ВЫДАНА! – При этих словах из беснующегося огнями прямоугольного ящика на пол перед ошалевшим Эргавсом вылетела тонкая серая пластина, способная уместиться в ладони. – ТЕРМИНАЛ ОТКЛЮЧЕН! КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА ЭНЕРГОСИСТЕМЫ!..

Дальше в понятии Управляющего Полями наступил конец Мира, который множество раз предрекали тайные служители культа Падших Богов. Алтарь внезапно вспыхнул неистовым светом и рассыпался тысячью обжигающих искр, при этом от грохота у Управляющего заложило уши, глаза ослепли, а в нос ударил едкий, противный запах, от которого Эргавс забился на полу в приступе мучительного кашля.

Когда он наконец сумел несколько раз судорожно вдохнуть, дым уже понемногу начал рассеиваться. Преодолевая ужас, он открыл глаза, еще не веря в свое чудесное спасение, и с замиранием сердца огляделся вокруг.

В помещении, где еще плавал сизый дым от взорвавшегося Алтаря, по-прежнему горел тусклый, красноватый свет. Пожирающая отходы Пасть безразлично щерилась открытым зевом приемника. Из квадратного ока Алтаря, в котором зияла безобразная дыра, еще сыпались искры. Крысиные глаза на темном прямоугольном ящике погасли, но – ПОГАНЫЕ БОГИ!..

ОН БЫЛ ОТКРЫТ!

Эргавса сотрясала крупная дрожь. Управляющий Полями никогда не считал себя трусом, но он привык иметь дело с существами из плоти и крови, которые имели хорошую привычку умирать после доброго удара дубиной или меткого попадания копья, а общение с духами было для него в новинку…

Выпучив глаза, он встал, пошатываясь от внезапной тошноты, которая была вызвана плавающим вокруг едким дымом.

Он знал, что не должен заглядывать в открывшийся ящик. «Нужно бежать…» – твердил себе Управляющий Полями, но – такова уж, видно, природа всех мыслящих существ из плоти и крови – как только их разум хоть на секунду выскальзывает из цепких, корявых пальцев смертельного страха, в нем тут же просыпается неистребимое и не совсем здоровое любопытство.

Опираясь на край ящика, чтобы утвердиться на ватных ногах, он только одним глазком взглянул на его содержимое – просто бросил один-единственный, ничего не значащий мимолетный взгляд внутрь и тут же взвыл от запоздалого раскаяния и нового приступа тошнотворного страха.

В темных глубинах ящика лежало меленькое, красное, сморщенное существо – едва родившийся детеныш, но ЧЕЙ?!..

Управляющий Полями уже всерьез подумал о том, что такого сделал взбесившийся Алтарь с его головой, разве могло привидеться нормальному сенталу такое отвратительное уродство?!

В первый момент, глядя на красное, сморщенное, влажное существо – эдакий комок осклизлой плоти, он с отвращением подумал, уж не детеныш ли это какой-нибудь гигантской крысы, посланный ему Падшими Богами в отместку за то, что он поскупился на каплю собственной крови для подношения Алтарю, но, с содроганием присмотревшись, он понял, что у сморщенного тельца, что распласталось на дне ящика средь каких-то тонких проволочек и других непонятных предметов, наблюдается большое сходство с сенталами, если не брать в расчет то, что голова ребенка была непропорционально большой для столь крохотного тела и сильнее походила на округлое яйцо, чем на нормальный, приплюснутый череп сенталов, с выпяченной челюстью и тяжелыми, нависающими над глазами надбровными дугами…

«Скорее всего появление подобного уродца в обыденной жизни можно было отнести к тому редкому случаю, когда самка из народа сенталов вдруг понесет от перепившего Высокородного…»

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове собравшегося бежать Управляющего Полями, но этому здравому желанию так и не суждено было воплотиться в жизнь.

Ребенок вдруг дернулся и закричал – тонко, беспомощно…

Этот слабый, писклявый крик буквально пригвоздил Эргавса к месту. Ему очень хотелось бежать как можно скорее и как можно дальше от этого жуткого, полного таинственной воли Падших Богов места, но что-то вдруг шевельнулось в первобытной душе Управляющего, заставив того вновь обратить взгляд на странное, уродливое существо. Разве не так кричали его собственные дети, когда хотели есть или просто чувствовали потребность в материнском тепле? Пусть этот крохотный комок плоти не больше чем исчадие Алтаря, но ведь он, Эргавс, так или иначе, повинен в его появлении на свет…

Откуда же было знать Управляющему Полями, что тот, о ком он думал, размышляя над мерой своей ответственности, родился много сотен лет назад и его жизнь, доверенная в вихре разрушительных событий заботам одной из немногих уцелевших автоматических систем, была просто приостановлена процессами низкотемпературного сна…

Конечно, ни о чем подобном Эргавс даже и не думал.

Просто ему вдруг стало жаль это маленькое, пискляво орущее создание, посланное ему древним Алтарем в отместку за скупость…

Протянув руки, Управляющий Полями, содрогаясь от отвращения, коснулся волосатыми пальцами холодного, покрытого какой-то желеобразной массой тельца, и легко вытащил его из ящика.

Младенец тут же затих, бессильно свесив свою большую уродливую голову.

Совершив этот неоправданный с точки зрения здравого смысла поступок, Управляющий Полями, не оглядываясь, поспешил к выходу, уже раскаиваясь в том, что проявил секундное милосердие. Но бросить притихшее существо на пол тоже оказалось выше его сил. Единственное, на что втайне уповал Эргавс, так это на реакцию стража, который сидел у входа в новый участок Мира. «Может быть, грязный и кровожадный этнам убьет это существо или по крайней мере отнимет его у меня?» – со слабой надеждой подумал он, боком протискиваясь в трещину.

Увы, его надеждам не суждено было сбыться. У выхода в тоннель никого не оказалось.

«Куда же подевался часовой?!» – с изумлением подумал Эргавс, озираясь вокруг. Он знал, как ревниво и жестоко Правитель Амбуш поддерживает воинскую дисциплину среди своих сородичей, и такой поступок, как отсутствие на посту, мог стать причиной долгой и весьма болезненной смерти даже для этнама…

Однако все его сомнения были разрешены спустя несколько секунд, когда он увидел, как в тоннель со стороны Города вдруг ввалилась целая толпа возбужденных этнамов, которые, не обращая внимания на Управляющего Полями и его странную ношу, пробежали мимо с громкими гортанными криками:

– Амбуш! Амбуш! У повелителя родилась дочь! Радуйтесь! Сегодня родилась Нейра – первая среди этнамов!

Эргавса едва не растоптали. Управляющему Полями пришлось распластаться по стене, чтобы поток не смел его с дороги.

Дождавшись, пока пронесется мимо толпа ликующих этнамов, он, глухо ворча, направился к себе домой.

«Вот уж не знаешь, благодарить Алтарь или проклинать его… – думал Эргавс, сжимая в руке теплое тельце диковинного ребенка. – Я хотел просить Падших Богов, чтобы гнев Амбуша по поводу разоренного поля миновал меня, и смотри – у Правителя родилась дочь. Теперь ему несколько недель будет не до крысиных набегов и запасов сои. Может, так все и забудется?..»

Так он и донес свое нежданное приобретение до самого дома, не придушив странного ребенка и не выкинув его, как собирался, в ближайшую же канаву.

В тот день Управляющий Полями Эргавс, сам того не подозревая, решил судьбу Мира, принеся в свой дом новорожденного наследника Падших Богов.

Глава 2
Крысеныш

Огромный, вонючий шерстобрюх медленно полз по иссохшему полю, поднимая за собой плотные клубы удушливой пыли, от которой першило в горле и щипало глаза. Животное казалось необъятным, тупым и уродливым. Внешне оно напоминало небрежно сваленную на волосяной подстилке гору мяса, которая колыхалась, будто студень, натужно скользя по пыльной поверхности земли. У него не наблюдалось ни ног, ни глаз, ни каких-либо иных органов движения или осязания. Все жизненные функции отправлялись им при помощи миллионов ложноножек, что росли на брюхе, будто густая, жесткая шерсть. Ими он осязал, на них же передвигался и ел тоже исключительно при помощи своего плоского, волосатого живота. Одного взгляда на этот простейший организм, по непонятным причинам разросшийся до непомерных, слоноподобных размеров, было достаточно, чтобы понять: если шерстобрюха создала природа, то значит, либо не все ладно с мудрой матерью всего сущего, либо она загнана в какие-то не свойственные ей рамки…

Действительно, шерстобрюх относился к порождениям загаженных и перепутанных радиоактивных тоннелей. Его сородичи ползали по ним в кромешной тьме, жадно обирая со стенок комковатую слизь, что копилась там веками.

Этот же был ручным – вслед за животным на длинных веревках волочилось бревно, из которого в пыльную почву уходили острые клиновидные осколки пластика.

Эргавс, Управляющий Полями, стоял чуть в стороне от полосы взвешенной в воздухе пыли и смотрел, как медленно ползет по полю шерстобрюх и как толкаются мальчишки, чьей обязанностью было сидеть верхом на этом самом бревне, чтобы оно глубже царапало почву, продавливаясь под их весом и оставляя в ней следы-борозды. Среди детишек постоянно шла молчаливая, злая борьба за место с края бревна, где пыль казалась не такой плотной.

«С пылью ничего не поделаешь…» – думал он, в очередной раз наблюдая, как с бревна на вспаханную почву отлетел выпихнутый своими волосатыми сверстниками семилетний уродец, у которого все тело было голым, а волосы росли лишь на самой макушке круглого, как шар, черепа. Сонный надсмотрщик, который, обернув лицо куском ткани, плелся вслед за шерстобрюхом, тут же достал его щелчком кнута. Пацаненок взвыл, подскакивая на одной ноге, и полез назад на бревно, но погодки не пускали; сразу несколько волосатых рук потянулись к нему, чтобы отпихнуть назад, под кнут, но, на счастье Рогмана (так Эргавс окрестил странный подарок Алтаря), шерстобрюх как раз достиг края поля и с влажным чавканьем вполз на заготовленное для него угощение – лужу тоннельной плесени, что выплеснул сюда работник. Через пару минут он всосет ее дочиста и тогда – снова в путь по пыльной земле, до противоположного края.

«Да, с пылью ничего не поделаешь… – вновь повторил про себя Эргавс, отворачиваясь от чавкающего и всхлипывающего животного. – Если на поле окажется хоть капелька влаги, шерстобрюх ни за что не тронется с места, встанет и будет сосать драгоценную почву…» Это Управляющий знал наверняка из богатого личного опыта. Приходилось специально высушивать поля и мириться с меньшим из двух зол.

Рогман, на которого Эргавс взглянул лишь мельком, тоже воспользовался минутой передышки. Размазывая по лицу слезы, которые, смешавшись с пылью, тут же превращались в разводы грязи, он, прихрамывая, отошел в сторону от кучки своих сверстников, которые уже не обращали на него никакого внимания, – теперь они забавлялись тем, что тыкали в шерстобрюха длинным шестом и с восторженным рычанием отскакивали в стороны, когда тот сначала боязливо поджимал край своей волосатой платформы, а потом вдруг выбрасывал в сторону обидчиков струйку вонючей жидкости.

Рогмана не привлекали такие забавы. Он не блистал физическими данными – мускулистые, волосатые товарищи откровенно глумились над его голым, лишенным шерсти телом. Бесконечно проигрывать в молчаливой возне было и обидно, и больно.

Присев в сторонке, мальчик покосился на своего приемного родителя, но тот, как всегда, оказался занят собственными проблемами, разве было ему какое-то дело до жестоких забав ребятни? Да и счесть их жестокими Эргавс не мог – обычная возня, и нечего размазывать слезы…

Рогман упрямо поджал трясущуюся от обиды губу.

Жизнь в доме Эргавса не приносила ему никаких привилегий. Сам Управляющий относился к мальчику терпимо, молчаливо прощая найденышу его уродство, но остальные, в том числе и взрослые, не могли спокойно пройти мимо: кому-нибудь постоянно требовалось сорвать зло…

Рогман не понимал этого. Он просто жил, а его память до определенного момента вела себя, как дырявое корыто, – сколько ни лей, все утечет в землю. Может быть, оттого и выжил, что не копил в себе каждодневных обид?

Уткнувшись острыми локтями в коленки, он сел поодаль от вонючего, чавкающего тоннельного слизня. Боль от кнута все еще пульсировала в ноге, но слезы уже высохли. Детству, даже такому, как выпало Рогману, не свойственно угрюмое постоянство обид, и через пару минут он уже с интересом и некоторой долей наивной зависти наблюдал за своими сводными братьями, которые с рычанием отскакивали прочь от плюющегося во все стороны шерстобрюха.

Над его головой ровно сияли секции низкого потолка. Кое-где среди светящихся сегментов виднелись решетчатые квадраты, в которых гнездился таинственный мрак. Мальчик иногда пытался вообразить, что же там, за ними, но на это у него не хватало фантазии. Что он видел в своей короткой жизни, кроме нескольких полей да короткого тоннеля, что соединял между собой участки Плодородной Равнины и дом Эргавса, в котором жила большая половина общинных сенталов со своими семьями? Да ничего. Дом представлял собой длинную глубокую нишу, которая вдавалась в стену Мира. Внутреннее пространство походило на грязный, запутанный лабиринт многоярусных клетушек, в которых проживало около сотни волосатых, низколобых крестьян. Другой такой же дом находился неподалеку, ровно через один тоннель, и там под охраной надсмотрщиков обитали рабы – клонги. Все они являлись такими же сенталами, как и свободные члены общины, а угодили в рабство по разным причинам: кто за какой-то проступок, а кто и по праву рождения – дети клонгов навечно оставались клонгами, тут уж ничего не попишешь.

Рогман тоже считался рабом, хоть и жил в доме Управляющего Полями.

Сейчас, сидя поодаль от шумно пожирающего угощение шерстобрюха, он уже не всхлипывал. Боль приходит и уходит, ее Рогман научился терпеть. Скоро он вырастет, его мускулы окрепнут, и тогда что-нибудь изменится в жизни – в этом мальчик убедил себя сам. Возможно, он станет этнамом – ведь он своими глазами видел, что похож на таинственных Хозяев Жизни. Только вот голубой подшерсток на теле у него не растет да зубы не такие острые, как у них… Но это ничего… Вот повзрослеет, и все будет не так…

Рогман в своих детских мечтах искренне верил в грядущие перемены.

Этнамы, утверждавшие, будто их предки свергли Богов с Сияющего Престола, не утруждали себя работой. Они являлись Хозяевами Жизни и всячески подчеркивали это в отношении сенталов, которые и обеспечивали своим рабским трудом на полях ту самую «жизнь»…

Естественно, Младший Народ от постоянных тягот существования не становился более приветливым, и частенько раздражение крестьян, измученных трудом на соевых полях, выливалось на Рогмана, чье неясное происхождение и явная физическая беззащитность позволяли

пинать безродного клонга с полным осознанием того, что ниже этого безволосого крысеныша разве что грязь под ногами…

Иногда его осыпали насмешками, а зачастую просто жестоко и угрюмо били, вымещая таким образом скопившееся за день раздражение…

…Окончательно погрузиться в мрачные размышления ему не дал лающий выкрик надсмотрщика. Шерстобрюх доел и теперь сам тянулся к пашне – он хоть и был туп, но все же сумел усвоить, что на той стороне поля его обязательно ждет новая порция тоннельной слизи.

Рогман встал, обреченно направляясь к оживившейся стайке волосатых сверстников, которые уже размещались на бревне.

* * *

Шло время.

Рогман не знал, что такое безысходность. Не имея ничего иного, он просто жил, как жили другие рабы, да, впрочем, и свободные сенталы тоже, – от работы к побоям, от скудной пищи к тревожному сну, и снова к тяжелой, изнуряющей работе на полях. Дни казались серыми, унылыми, похожими друг на друга близнецами-шерстобрюхами, медленно ползущими мимо в неведомую даль, но все реже кривились его губы и дрожал подбородок. От непосильного труда и непрекращающейся возни со своими сверстниками мускулы мальчика окаменели, кожа стала грубой, а глаза слишком уж серьезными.

Он научился многим вещам. Прежде всего не бояться боли, отвечать ударом на удар и насмешкой на насмешку. Те из сверстников, что раньше походя спихивали его с бревна, прямо в пыль, под раздраженный удар хлыста тащившегося вслед за слизнем надсмотрщика, теперь не всегда решались задеть безволосого раба-приемыша, особенно если не наблюдалось численного перевеса со стороны насмешников.

Первым это заметил Эргавс.

Неудивительно, что Управляющий Полями следил за судьбой своего выкормыша. Под приплюснутым черепом старого сентала, чью поредевшую шерсть уже побила первая проседь, умещалось чуть больше мозгов, чем у работавших на полях сородичей, иначе он бы не занимал столь значительный пост. К тому же он был единственным, кто знал правду о рождении Рогмана.

Мысли Эргавса, когда он наблюдал за тем, как растет исторгнутый Алтарем крысеныш, превращаясь в стройного, мускулистого, поджарого юношу с необычной формой черепа, роднящей его с этнамами, но абсолютно голым, безволосым телом, носили вполне практический характер. В них не было ничего от мистики. Рогман казался ему намного смышленее других соплеменников, и, когда наступил очередной сбор урожая, старый Управляющий внезапно освободил его от полевых работ, поставив Рогмана считать мешки и сопровождать их в городские склады.

Так, в свои неполные пятнадцать лет безродный клонг впервые покинул поля и попал в Город.

Для него это оказалось шоком.

* * *

На всю оставшуюся жизнь он запомнил тот момент, когда вместе с Управляющим впервые переступил порог огромного зала, всю площадь которого занимали невысокие, сложенные из различных подручных материалов дома.

Это место из-за своих размеров в первый момент вызвало у него головокружение и сосущее чувство тревоги. Разум мальчика, сформированный в замкнутых пространствах, не при-

нимал такого глобального понятия, как «горизонт». До определенного возраста он почти не выходил из дома; потом, когда он повзрослел и вместе с другими подростками племени сенталов начал регулярно работать на полях, то его свобода соответственно ограничивалась Плодородной Равниной, которая представляла собой нескончаемую цепь прямоугольных залов, где потолок висел над самой головой, а его поверхность ярко светилась, позволяя растениям жить. Естественно, что, воспитанный в таких условиях, он не имел никакого понятия о психическом расстройстве, которое его далекие предки именовали агрофобией.

Ноги Рогмана подкосились. Эргавс, который сопровождал его в этой первой доставке груза к городским складам, недовольно заворчал, но все же дал ошалевшему клонгу несколько минут, чтобы тот смог опомниться, свыкнутся с новым чувством.

Хотя поля и Город разделяло всего несколько километров пути по прямым широким тоннелям, до сего момента Рогман ни разу не бывал тут.

Город этнамов потряс его. Долгое время в сознании мальчика этот необъятный зал, чьи стены возносились вверх на тридцать-сорок метров, будет оставаться чем-то потрясающим, находящимся на грани понимания…

Отвесные стены тянулись все вверх и вверх, так что приходилось запрокидывать голову, пытаясь разглядеть их. В первый момент мальчику пришлось вступить в борьбу с внезапной тошнотой и слабостью, но он все же сумел задрать подбородок и широко распахнуть глаза, чувствуя, что сейчас просто потеряет сознание от нахлынувших на него впечатлений.

Впервые в жизни он не смог различить потолка. Там, куда он устремил свой помутившийся взгляд, на головокружительной высоте молочными полосами тянулись сгустки испарений, за которыми оказалось невозможным разглядеть структуру перекрытий, был виден только источаемый ими свет… Ошалевший взгляд Рогмана скользил поверх крыш одно-, двухэтажных домов и нигде не находил преграды – зал оказался столь велик, что его противоположной стены не было видно из-за расстояния и тумана, который вился над постройками и медленно, лениво утекал в огромные, забранные решетками зевы вентиляционных труб. Чуть выше, приблизительно на уровне двадцати метров от пола, из стен зала торчали опаленные и перекрученные балки обрушившихся в незапамятные времена перекрытий, над которыми виднелись черные глазницы входов в какие-то туннели, но, куда они вели и бывал ли кто-то в них, Рогман, естественно, не знал.

Из транса его вывел грубый толчок.

– Хватит глазеть… – проворчал Эргавс, толкнув его по направлению кривой и узкой улицы. – Запоминай дорогу.

В тот момент Рогману казалось, что он попал в несбыточную страну своей мечты.

Город давал пьянящее ощущение свободы, на его улицах толклось столько народа, что никто просто не обращал внимания на клонга, который шел вслед за Управляющим.

На обратном пути, когда груз уже был сдан, Эргавс обратил его внимание на то, как под потолком начал тускнеть свет.

– Теперь будешь ходить в город сам, – глухо проворчал он, ухватив Рогмана за волосы и резко задрав его голову к потолку. – Видишь, свет тускнеет? Смотри, это называется «ночь». Ночь – время Высокородных. Они охотятся по ночам на этих улицах на глупых, заблудившихся клонгов. Никто не смеет противиться воле этнама, запомни: задержишься тут, когда тускнеет свет, – умрешь.

– П-почему? – задыхаясь, переспросил Рогман.

– Этнамы – хищники. Они едят мясо. Этнамы любят кровь. Они не могут все время есть сою и овощи. Днем они спят, а ночью выходят на охоту.

– Они едят сенталов?! – в ужасе отшатнулся Рогман.

– Они едят клонгов! – раздраженно ответил Эргавс.

«Какая разница?! – не в силах совладать с ужасом и отвращением, подумал Рогман. – Ведь рабы – это провинившиеся сенталы!»

Однако у него хватило сообразительности не высказывать вслух своих умозаключений. Судя по тому, как Эргавс озирался по сторонам, пока они преодолевали последнюю сотню метров до освещенного входа в тоннель, он и сам не чувствовал себя в безопасности на улицах быстро пустеющего и погружающегося в сумерки города.

Рогман накрепко запомнил преподанный урок, но все же беда не миновала его…

* * *

…Это случилось спустя два года после первого посещения Рогманом Города. Он уже закончил дела на складах, но возвращаться пока не собирался – в последнее время Эргавс все чаще давал ему различные мелкие поручения, которые приходилось выполнять, отрывая время от своего сна, но он не роптал, наоборот, – угрюмый юноша, вечно прячущий свое лицо и тело под рабской хламидой, бледный, с источенными худобой чертами, частенько задерживался в Городе сверх срока и по собственной воле. Слишком притягательным оказалось это место, так разительно не похожее на унылые, однообразные квадраты полей.

В этот раз его любопытство, замешанное на мнимом ощущении некоторой свободы, привело к весьма плачевному результату…

– Эй, клонг! Ну-ка, постой!

Каркающий голос, раздавшийся за спиной, заставил Рогмана вздрогнуть и остановиться. Все произошло помимо его воли, властный окрик припечатал подошвы к влажному покрытию улицы еще до того, как смысл сказанного был понят им.

Он повернулся, привычно глядя мимо приближающегося к нему этнама. Смотреть в глаза Хозяину Жизни считалось дурным тоном. За это могли убить.

Этнам остановился в двух шагах от юноши, придирчиво рассматривая его. Он был высок, даже по меркам своей расы, но Рогману, в котором насчитывалось не меньше ста семидесяти сантиметров роста, Высокородный едва доставал макушкой до плеча. Застывшие за спиной этнама лимминги, вооруженные своим исконным, биологически выращенным оружием, вообще приходились ему по пояс.

Критически осмотрев Рогмана, Высокородный удовлетворенно хмыкнул:

– Ты пойдешь со мной.

От этих слов юношу бросило в жар. Он моментально вспомнил предостережения Эргавса, и его взгляд затравленно метнулся по сторонам. Наверху уже темнело, кривые улицы погружались в сумерки. Срывающийся из-под далеких сводов мелкий, нудный, моросящий дождь только усилил ощущение безысходности.

– Господин, я служу у Управляющего Полями… – едва слышно попытался возразить он.

Глаза этнама гневно сверкнули.

– Клонг… – прошипел он, делая едва заметный знак лиммингам.

Рогман уловил его жест.

За несколько секунд, пока злобные карликовые создания выдвигали из-под хитина панцирных пластин свое оружие, он успел пережить такую волну парализующего ужаса, что от него оцепенел не только разум, руки и ноги свело судорогой, и липкий холодный пот прошиб кожу…

– Нне-е надо… – задыхаясь от страха, просипел он, отшатнувшись к стене, но лимминги не понимали речь: они знали лишь язык жестов, а их хозяин не собирался останавливать своих дрессированных убийц. Глядя, как смертельно побледнел наглый раб, он испытывал нечто близкое к экстазу: рот этнама чуть приоткрылся, в отвратительной усмешке обнажив заост-

ренные зубы хищника, и в уголках его пухлых розовых губ выступила слюна. Он уже предвкушал, как сейчас удар костяной стрелки, выпущенной из дыхательного сопла лимминга, взломает черепную коробку клонга, и окровавленный мозг возбуждающим пятном размажется по стене…

Рогман затравленно огляделся, но улица была пуста из конца в конец, в этот поздний вечерний час в городских кварталах редко встретишь запоздалого прохожего. Лимминги не торопились: их хозяин наслаждался муками припертого к стене существа, чей разум не мог противостоять ни его похотливому взгляду, ни влажным, отвратительно поблескивающим трубочкам, которые выросли из-под хитиновых покровов дрессированных убийц.

Предвкушение крови исказило черты лица этнама.

* * *

Почему над Городом этнамов темнело? Почему там ощущался не просто ток воздуха, а ветер? Почему тут бывало тепло или холодно, в то время как над полями, в помещениях, где пол покрывала плодородная почва, никогда не гас свет и температура не прыгала, словно подраненная крыса в поисках выхода из ловушки?

Этого Рогман не знал, но уже тогда юношу мучили смутные подозрения, что в этом повинны те жерла таинственных тоннелей, что торчали на недосягаемой высоте, словно пустые глазницы гигантского черепа. Как-то раз Рогман видел, что из одного такого тоннеля вырывался пар, который тут же улетал вверх, к поднятому на сорокаметровую высоту светящемуся потолку, и клубился там, принимая форму облаков, из которых явно собирался идти дождь…

Все это казалось юному рабу странным и любопытным, в то время как ни сенталы, ни тем более этнамы не обращали на это никакого внимания – для них все казалось привычным порядком вещей, не более…

* * *

Он очнулся глубокой ночью.

Все тело полыхало огнем, несмотря на пронзительный холодный ветер и нудный дождь, что моросил из-под далекого, темного потолка, погружая пространство под уличными факелами в желтоватую муть.

Со стоном перевернувшись на спину, Рогман дотронулся рукой до виска, где пульсировала тупая, ноющая боль. Пальцы наткнулись на липкие волосы. «Кровь…» – отрешенно подумал он.

Через минуту или две чьи-то шаги грузно прошлепали по мелким лужам и стихли возле скорчившегося на тротуаре раба.

Естественно, это был страж. Кому еще взбредет в голову шататься ночью по улицам города?

Рогман даже не стал поворачивать голову, когда заостренный конец тонкой стальной пики кольнул его под ребра.

– Встань! – раздался голос.

Тупея от боли, он кое-как поднялся на четвереньки, потом, хватаясь руками за стену, встал. Лицо стража исказила презрительная гримаса.

– Клонг? – протянул он, разглядев, с кем имеет дело. – Ты почему валяешься здесь?

Рогмана мутило. По виску и щеке вдруг начали сбегать, смешиваясь с дождем, горячие щекотливые капли. Кровь, разбавленная дождем, капала на изодранную одежду. Очевидно, его вид был слишком уж жалок. Страж не прельстился его беспомощностью, не стал издеваться

или задавать вопросы. Он презрительным жестом приказал ему убираться прочь и пошел дальше по своим делам.

Рогман был благодарен ему. Клонгам не полагалось врать. А если бы страж спросил, кто так изуродовал его, то ответ – скажи он правду – привел бы его к немедленной смерти. Высокородные не зря носили свой вычурный титул. Они относились к категории существ, которым дозволено все. Без исключения.

Дождь усилился. Рогман брел по пустынной улице, держась рукой за шероховатые стены домов. Боль притупилась. Сквозь прорехи разодранной одежды пробирал ледяной холод.

Его мучил стыд. Лучше бы этнам просто убил его… Но нет. Они редко убивали клонгов, все-таки последние имели свою цену. Но издеваться над низшими можно было где угодно и сколько угодно. Рогман представил, как когти рвут его плоть, а похотливые розовые губы жадно слизывают свежую кровь, и его вырвало.

Несколько минут он стоял, схватившись рукой за стену, и часто дышал, пытаясь как-то справиться с взбунтовавшимся желудком.

Ему нужно как можно быстрее добраться до дома… Только там, в освещенных залах, можно будет отдышаться, отереть кровь, почувствовать, что избежал отвратительной, бессмысленной смерти…

Однако его злоключения в эту роковую ночь еще не закончились. Очевидно, у Правителя Города, Амбуша, проходил какой-то праздник – до слуха Рогмана, который, съежившись, пробирался вдоль влажных, молчаливых стен, то и дело доносились выкрики, пару раз он слышал заунывный вой и чьи-то отчаянные вопли, похоже, что ночное веселье было в самом разгаре.

«У этнамов своя жизнь…» – в такт бухающим ударам сердца твердил про себя он, стараясь слиться со стенами, превратиться в тень, исчезнуть…

Не получилось.

Внезапно в конце освещенной неровной цепочкой факелов улицы появились носилки, которые волокли на спине два десятка вставших на карачки лиммингов. Под их темно-коричневые, поделенные на сегменты брюшки были пропущены ремни от двух толстых пластиковых жердей, что составляли основу носилок. Над этой своеобразной упряжью возвышалась коробка с окнами, завешенными шторами из плотной ткани. Внутри, пробиваясь сквозь щели в завесях, виднелся неверный огонек свечи.

Рогман попытался отползти, слиться с фундаментом, но, видно, сегодня ему предстояло испить до дна всю чашу негаданных бед, носилки, покачнувшись, остановились как раз напротив него. Левый ряд лиммингов, привязанных к жерди, повернул в его сторону свои головы. Они являлись не только движущей силой данного транспортного средства, но и охраной своего хозяина. Лимминги показались съежившемуся от страха Рогману на редкость жирными, противными и смышлеными. Они не просто повернулись в его сторону, но и выдвинули самые кончики влажно поблескивающих дыхательных трубок, в глубинах которых таились зазубренные костяные стрелки с сильным парализующим ядом. Стоило такой твари резко выдохнуть, и отравленное жало с чавкающим хлопком устремлялось к жертве. Неудивительно, что за этой повозкой не было видно ни телохранителей, ни свиты, – двадцать лиммингов способны зажалить насмерть кого угодно и сами по себе являлись отменной охраной…

Занавеска дрогнула, приоткрывая узкую щель, откуда на влажную мостовую упал мятущийся на сквозняке свет свечи.

– Встань, клонг… – раздался скучающий, мурлыкающий голос.

Рогман не мог сопротивляться. С детства его болезненно учили повиноваться любому приказу этнама. Цепляясь онемевшими пальцами за шероховатые выступы фундамента, он встал.

– Ну-ка, сними одежду! – потребовал тот же голос.

Рогману ничего не оставалось, как развязать шнурок своего балахона, и серая хламида бесформенной кучей оползла к его ногам, подставив неверному свету коптящих факелов стройную фигуру юноши.

Внешне, за исключением отсутствия мягкой голубой шерстки и несколько иного разреза глаз, он походил на этнамов.

Кровь из рассеченной кожи на виске вновь принялась капать, теперь уже на голое плечо, и, смешиваясь с нудным дождем, побежала розовыми струйками по рукам, по груди…

Это, наверное, и сыграло решающую роль.

Этнамы были хищниками. Ничто так сильно не возбуждало их, как вид и запах крови.

Занавеска носилок вдруг резко отдернулась, и Рогман почувствовал, как тело цепенеет, но не от холода, а от тоскливого, дурного предчувствия.

В носилках сидела дочь самого Амбуша, Нейра. Управляющий Полями как-то, находясь в особо добром расположении духа, намекнул своему приемышу, что его появление среди сенталов каким-то образом связано с рождением дочери Правителя. Однако если они и были ровесниками, то внешне это никак не проявлялось. С точки зрения этнамов, та самка, что жадно разглядывала обнаженного раба из глубины носилок, уже давно переступила порог зрелости. Их срок жизни не мог сравниться с долголетием сенталов – Эргавсу уже стукнуло тридцать, а седина только начала появляться в его роскошной шевелюре. У этнамов все было иначе. Сам Амбуш, глубокий седой старик, прожил двадцать пять лет и считался долгожителем…

Однако Нейру не заботил ни собственный вид, ни возрастные или расовые различия.

– Подойди, клонг… – не то приказала, не то позвала она.

Рогман не шелохнулся. Он уже догадался, что она хочет сделать, и ужас, смешанный с отвращением, бил его волнами крупной, непроизвольной дрожи.

На розовых губах Нейры появилась хищная усмешка, обнажившая ряд белых, заостренных зубов.

Скучающая, пресыщенная жизнью аристократка, дочь Правителя, которой по праву рождения было дозволено все… Что может быть страшнее для раненого, совершенно бесправного раба, чья жизнь, по сути, не стоила ничего?

Какой-то частичкой разума, еще не совсем оцепеневшей от страха и отвращения, юный Рогман понимал: лучше покориться, зажмурить глаза, задержать дыхание… и тогда, быть может, он еще вернется домой живым…

Нейра встала с подушек, не сводя с оцепеневшего раба своего распаленного, похотливого взгляда. Шикнув на лиммингов, которые тут же попрятали свои головы под жердь носилок, она ступила на мостовую, одновременно властным, нетерпеливым жестом расстегнув одежду. Этот раб казался ей столь необычным, что она не обратила внимания на его непослушание: Рогман все еще стоял, прижавшись к стене, и не думал двигаться навстречу. Что ж… Она машинально облизнула пухлые розовые губы длинным языком, предвкушая, как слижет с его плеча первую каплю смешанной с дождем крови… Пусть стоит… Нейра хотела одного – удовольствия, острого, как рассекающий плоть нож, и если раб оцепенел от неожиданного благоволения высшей особы, то она сделает все сама… Может быть, она даже оставит его в живых после совокупления или заберет во дворец…

В голове Рогмана в этот момент присутствовали совсем другие мысли.

Если бы светлейшая дочь Амбуша могла в данный момент каким-то образом услышать их, то жизнь раба оборвалась бы в ту же секунду.

Юный Рогман не испытывал ни грамма положенного раболепия…

Доминантой его мыслей являлось отвращение, которое захлестнуло его липкой, осязаемой волной, подавив даже смертельный страх.

Дочь Правителя Амбуша, великолепная Нейра, казалась ему отвратительной.

«Драная, облезлая, похотливая кошка…»

Рогман не мог взять в толк, откуда в его голове появилась такая мысль. Он даже не знал значения вынырнувшего из глубин подсознания слова «кошка». Он просто смотрел расширенными глазами, как дочь Амбуша медленно двигается к нему, и понимал, что та пьяна почти до полного бесчувствия… Он видел под распахнутой ветром одеждой ее тело, покрытое коротким, влажным подшерстком, сморщенные соски шести грудей, что тянулись вдоль живота, и отчетливо понимал, что умрет от ужаса и отвращения, как только она коснется его…

Неизъяснимый страх, что секунду назад парализовал мышцы, внезапно возымел обратное действие. Рогман вдруг почувствовал, как одеревеневшее тело помимо его воли наливается жгучей, горячей волной неведомой доселе СИЛЫ.

Как будто в нем проснулось нечто, заложенное глубже инстинктов, глубже разума…

Поначалу это был бешеный выброс адреналина в кровь, которая горячими, тугими толчками ломилась в его виски, потом он ощутил нестерпимый зуд в кончиках пальцев, словно там из-под ногтей росло что-то новое, совершенно неподвластное его пониманию, затем резко накатила тошнота, а за ней последовала волна ледяного пота, покрыв мелкими блестящими бисеринками испарины его продрогшую кожу.

Лимминги внезапно заскулили, защелкали, пытаясь забиться поглубже под повозку. Такого поведения злобных тварей еще не видел никто из живущих.

Рогман не мог наблюдать себя со стороны, и, хвала Падшим Богам, никто не оказался случайным свидетелем этой сцены на пустой улице Города, иначе раба бы попросту растерзали…

Он не понимал, что происходит.

Наверху, под недосягаемым для взгляда потолком, что-то затрещало.

Дождь прекратился, словно нудную стену моросящей влаги кто-то отсек невидимым ножом.

Воздух вокруг Рогмана сгустился, став осязаемым…

Ошалевший от страха юный раб не мог осознать того, что причиной этих перемен явилась его мысль. Страстное, неодолимое желание исчезнуть с этого самого места. Мысль, оформленная в четкую формулировку.

ЭТО БЫЛ ПРИКАЗ. ПРИКАЗ, КОТОРЫЙ НЕ МОГЛИ НЕ УСЛЫШАТЬ. ПОКА БЫЛ ФУНКЦИОНАЛЕН ХОТЬ ОДИН СЕНСОР, ПОКА ИМЕЛСЯ ХОТЬ ОДИН ЭРГ В НАКОПИТЕЛЯХ!..

Рогман закричал от ужаса, когда сверху с адским грохотом ударил столб зеленого света, обволок его, парализовал, рванул вверх и понес к потолку…

Если бы он знал, что стоил древнему Миру этот рывок! И КОГО он разбудил своим неосознанным приказом…

…За все неизбежно надо платить. Где-то далеко, в неописуемой дали, рушились сейчас какие-то стены, из-под земли начинали бить фонтаны искр, пугая до смерти не ведомые Рогману народы, обитающие в иных пределах Мира, опять взрывались Алтари, и только что накормленные Пасти вдруг оказывались голодными… а он, потеряв сознание от ужаса, летел в сгустке защитного поля прочь с того места, где минуту назад его ждало отвратительное насилие и, возможно, – смерть…

* * *

Когда он очнулся, было темно.

Где-то рядом заунывно выл ветер.

Открыв глаза, Рогман огляделся и понял, что лежит на перекрестке двух труб…

Рядом с ним сидел, прислонившись к выгибающейся в темную бесконечность стене, обтянутый мумифицированной кожей скелет.

Свет пробивался из какого-то отверстия за перекрестком, превращая мрак в сумрак.

Он вскрикнул, инстинктивно подавшись в сторону от страшного соседа. Одежда на трупе давно истлела, да и кожа лишь местами покрывала выпирающие наружу ребра, но зато на мумии были надеты не подверженные тлению детали гардероба – пожелтевшие ребра наискось пересекал ремень, рядом, среди налета осклизлой грязи, что покрывала пол трубы, валялось несколько странных прямоугольников, сделанных из того же материала, которым были облицованы стены Мира, меж ног мумифицированного существа лежал темный предмет, даже в сумраке отливавший синеватой сталью…

Первые несколько секунд Рогман в ужасе смотрел на мумию, не в силах отвести оцепеневший взор от черт усохшего лица с ввалившимися глазницами, и страшная догадка ледяным холодом ползла вдоль напряженного позвоночника…

Мумия сидела, хищно оскалившись в его сторону пожелтевшими от времени зубами. При жизни это существо с гладкой кожей и волосами, что росли исключительно на голове, явно не принадлежало ни к этнамам, ни к сенталам…

Оно было таким же, как и Рогман…

Существо ЕГО племени!..

Юного раба трясло, как в лихорадке. Он не был готов к выпавшим на его долю испытаниям ни физически, ни морально.

Все, что случилось с ним, казалось страшным, неправдоподобным, ненужным…

Но что он мог сделать?!

Сила, которая унесла его с городской улицы, не поддавалась объяснению. Рогман леденел, вспоминая свой полет, и горячо благодарил Падших Богов, что те позволили ему почти сразу же потерять сознание, иначе он бы умер от ужаса.

Единственное, на что хватило силы воли у измученного подростка, – это зажмуриться, протянуть руку, схватить синевато-черный предмет и метнуться прочь, в ту сторону, откуда пробивался неясный свет.

* * *

Источником света оказалась решетка вентиляции.

Распластавшись по дну трубы, Рогман жадно, со страхом и надеждой разглядывал расположенное под ним свежевспаханное поле.

Он знал эти места. Один из участков Плодородной Равнины, где никогда не гас свет. Это обширное помещение располагалось недалеко от дома Эргавса.

Выламывая пальцы, Рогман судорожно вцепился в решетку. Он оказался так измучен внезапно обрушившимися на него бедами, что почти не соображал, что и как делает.

Когда преграда наконец поддалась, он, не задумываясь, спустил ноги в открывшееся квадратное отверстие и полетел с высоты пяти метров прямо в объятия рыхлой, свежевспаханной земли.

Судя по тому, что на полях не оказалось рабочих, в городе все еще царила ночь. Только пара шерстобрюхов вздыхала и чавкала в дальнем загоне у закругляющейся стены, наполняя ярко освещенный зал таинственными шорохами.

Всхлипывая и прижимая к груди свою находку, Рогман со всех ног бросился к дому Управляющего Полями.

Старый Эргавс, наверное, оставался единственным существом на всем белом свете, кто относился к нему хоть с какой-то, минимальной долей симпатии. Юноша не имел никакого понятия о тайне своего рождения, но Управляющий не смог забыть ни сияющего Алтаря, что

взорвался на его глазах, ни зычного гласа Богов, ни своей минутной слабости при виде маленького комочка розовой плоти, что скорчился на дне внезапно открывшегося ящика. Полученный от Алтаря прямоугольный кусочек пластика он носил на шее как талисман, а к приемышу старался относиться терпимо: кто знает, чего добивались Мрачные Боги, послав ему младенца чужой расы?

Поэтому и сейчас, разбуженный среди ночи, Эргавс не стал кричать, а сел в постели, непонимающе глядя на голого, заляпанного кровью и грязью Рогмана, который, дрожа и заикаясь, сбивчиво поведал Управляющему Полями о своих злоключениях в городе, все без утайки.

– Оденься, – хмуро и однозначно приказал он, выслушав Рогмана.

Через полчаса они вдвоем уже были на поле.

– Вот. – Рогмана опять начало трясти, когда он указал Эргавсу на квадратное отверстие в потолке.

Управляющий посмотрел туда, сокрушенно покачал головой, а потом принялся вертеть в руках найденный его приемышем предмет, явно принадлежавший когда-то Падшим Богам.

Эргавса сильно смутило утверждение юноши, что мумифицированный труп был точно такой же расы, как и он сам.

«Может ли он быть потомком Падших Богов?!» – с сомнением и некоторой долей раздраженного страха подумал Эргавс, глядя на понурившего голову подростка. Лезть в дыру в потолке, чтобы проверить данное утверждение, старому Управляющему совсем не хотелось. Он предпочитал не иметь дела с потусторонними силами, справедливо полагая, что такие знакомства никогда не принесут ничего хорошего.

В то же время как теперь относиться к Рогману? Выдать его Амбушу? Или, наоборот, спрятать от гнева обманутой в своих вожделениях Нейры?

И то и другое казалось Эргавсу неприемлемым. Если дрожащий от страха и усталости раб действительно имеет какое-то отношение к Падшим Богам, то лучше не гневить их, но, с другой стороны, гнев Амбуша и его дочери могут настичь его самым быстрым и недвусмысленным образом…

Колебания Эргавса разрешил тот предмет, что он все это время машинально крутил в своих пальцах.

Очевидно, он неловко задел упругий рычажок, что скрывался под защитной скобой, у самого основания удобной, рифленой рукояти, – внезапно раздался оглушительный грохот, странный предмет вырвало из рук Управляющего Полями, а из стены Мира, напротив того места, где стоял Эргавс, одновременно с раздавшимся грохотом брызнули осколки разбитой облицовки…

Когда рассеялся сизый дым и прошел первый шок, Эргавс, глухо ворча, встал, отряхивая прилипшие к шерсти кусочки сырой земли. Давно уже он не падал вот так, навзничь, там, где стоял. Покосившись на Рогмана (не прячет ли улыбку, глядя на распластавшегося в грязи Управляющего?), он с опаской подошел к тусклому, иссиня-черному предмету, который валялся поодаль, нагнулся, понюхал его и лишь затем осторожно поднял, цепко зажав в волосатых пальцах.

От предмета исходила стойкая кислая вонь. С той стороны, где у него была небольшая дырка, все еще курился едва приметный дымок…

Взгляд Управляющего Полями переместился на изуродованную стену. Облицовочный материал в том месте, где в него ударила неведомая сила, раскололся, щерясь иззубренными краями уродливой дыры, за которой четко угадывался каркас стены.

Покачав гривастой головой, Эргавс перевел взгляд на Рогмана и тут же с болезненной ясностью припомнил все обстоятельства его появления на свет.

«Нет, гневить Падших Богов – это последнее дело…» – решил про себя сентал.

Седина в его спутанных волосах говорила не только о годах, но и накопленной житейской мудрости. Эргавс знал, что нужно делать с Рогманом.

– Пошли, – коротко приказал он, направляясь к устью того тоннеля, что вел в сторону Города этнамов.

Ничего не понимающий, обескураженный и перепуганный, юноша покорно поплелся за ним. Его ноги подкашивались от усталости, в голове еще гудело от головокружительного полета в вентиляционную шахту, куда его так внезапно уволокла неведомая сила Падших Богов, очевидно, внявших его бессознательной мольбе…

Он шел, машинально переставляя ноги, вслед за Эргавсом, еще не подозревая, что вот уже несколько часов кряду движется навстречу своей новой судьбе…

Эргавс же, напротив, очень хорошо представлял, куда направляется.

Зажатый в волосатой руке предмет, явно принадлежавший Падшим Богам, испугал, но не обескуражил его своим грохотом. Он знал такие вещи. Они казались страшными, непонятными, но в то же время полезными. Были среди таких вот остатков прошлого очень яркие глаза неведомых существ, которые умели разогнать любой мрак своим сиянием, только вот беда – со временем они тускнели, а затем и вовсе умирали, теперь уже окончательно… Еще он видел маленькие цилиндры с небольшим колесиком наверху, которые умели рождать огонь. Да мало ли что хранили в себе руины Сумеречной Зоны, всего, наверное, не перечтешь. Ходили слухи, что в доме Амбуша хранится страшное оружие Богов, наподобие того, что попало сегодня в руки Управляющего Полями, только еще более разрушительное и страшное. Немногие очевидцы рассказывали, что однажды Амбуш демонстрировал его, желая поразить подданных Божественной мощью, что оказалась в его руках, но дело кончилось весьма плачевно, два или три уцелевших свидетеля говорили о бледном пульсирующем свете, что якобы разлился перед Правителем, но их рассказам трудно верить: все они оказались слепы, хотя Эргавс своими глазами видел, что на боку Амбуша долго не хотела зарастать новым голубым подшерстком уродливая паленая полоса…

Но, так или иначе, предметы, оставшиеся от Падших Богов, хоть в большинстве и являлись опасными безделушками, но все же ценились очень дорого. Особенно те, чье назначение было разгадано. Их добывали особые рабы, работавшие на нескольких Хозяев – богатых городских купцов, имевших разрешение на торговлю такими предметами. Разрешение, естественно, давал Амбуш, забирая при этом в свою сокровищницу львиную долю собранных артефактов, но и той малости, что доставалась предприимчивым владельцам особенных рабов, хватало с лихвой, чтобы сделать тех самыми богатыми и уважаемыми обитателями Города.

Все они были сенталами, ни один этнам, будь он хоть трижды нищий, не прикоснется к торговому прилавку. «Впрочем, нищих этнамов не бывает, – подумал Эргавс, выходя к городской окраине, над которой все еще властвовали сумерки. – Им и так принадлежит все. Бывают не нищие, а опустившиеся этнамы, а тут, как ни крути, большая разница…»

Лавка, куда он шел, располагалась совсем недалеко от устья тоннеля.

Повернув вправо, вдоль закругляющейся стены Мира, Эргавс принялся считать овальные двери. Это были входы в самые богатые жилища города. Все остальные постройки, громоздившиеся на некогда свободном пространстве огромного зала с сорокаметровым потолком, были возведены уже после окончания потрясших Мир катастроф, в основном из обломков рухнувших перекрытий и иных подручных материалов, образовав целые кварталы с неровными, узкими улицами, а эти овальные входы вели в те жилища, что остались еще со времен Богов. Естественно, здесь жили только этнамы. За редким исключением, которым как раз и являлись немногие предприимчивые соплеменники Эргавса, сумевшие добиться определенного положения в городе.

Отсчитав пять раз по пять, Эргавс остановился подле запертой двери и осторожно, почтительно постучал.

За дверью тут же зашипел лимминг.

Управляющий Полями поморщился, по привычке вздернув верхнюю губу и издав низкий, утробный рык. Лиммингов, этих выродков Сумеречной Зоны, он не любил.

За дверью раздались шаркающие шаги, тихо клацнул замок, и в дверях приоткрылось квадратное окошко.

Узнав Эргавса, хозяин заскрежетал ключами.

Овальная дверь со скрипом приоткрылась.

Этого сородича Управляющего Полями трудно было удивить неурочным визитом. Сентал выглядел вовсе не заспанным.

«Очевидно, только спровадил очередного посетителя», – проницательно предположил Эргавс, который точно знал, что все хозяева блайтеров приторговывают голубыми кристалликами, теми самыми, при помощи которых сажают на незримую цепь своих клонгов. Потребителями этого дьявольского зелья, что вырабатывалось из определенного сорта плесени, живущей на самых гиблых уровнях разрушенного Мира, были, естественно, этнамы. Не один сентал не мог позволить себе ни пьяной одури, ни рабской зависимости от голубоватых гранул: сентал обязан работать, а не шататься в пьяном полузабытье по городу и окрестностям. Если, конечно, его не прельщает участь раба, посаженного на цепь…

Ни слова не говоря, хозяин посторонился, отпихнув ногой шипящего лимминга, чтобы Управляющий Полями и Рогман могли войти.

В центре просторной комнаты стоял стол, по обе стороны которого к полу были привинчены две широкие скамьи. Остальная обстановка являлась уже более поздним усовершенствованием. Сев в кресло, искусно сработанное из порожнего пластикового контейнера, Эргавс указал взглядом на Рогмана и скупо заявил:

– Он может искать в ночи.

Хозяин недоверчиво вскинул кустистые брови, окинув презрительным взглядом тощую, безволосую фигуру Рогмана.

Заметив это, Эргавс выложил на стол принесенный Рогманом предмет. Это являлось прямым доказательством только что произнесенных слов: откуда взяться у Управляющего Полями такой дорогой вещи, оружия Падших Богов, если ее не принес этот самый тщедушный клонг из Сумеречной Зоны? Вещи Богов могли прийти только оттуда. Это хозяин лавки знал точно.

– Ты воспитал хорошего раба… – с почтением произнес он.

Эргавс деланно пожал плечами. Он играл, но достаточно несложно.

– Рогман многого не знает. Он ходит недалеко и недолго. Его надо учить.

Глаза купца сузились. Он понял, что хочет от него Управляющий Полями.

– Учить раба дорого и сложно… – осторожно произнес он, покосившись в сторону принесенного Эргавсом предмета.

Управляющий Полями не возражал. Ему не было никакого толка от той вещи, что грохочет и ломает стены Мира. Однако он был далеко не глуп и представлял себе приблизительную цену данного предмета.

– Большая дырка в стене возле поля… – пробурчал он. – Голову просунуть можно.

– Я дам тебе два светящихся глаза!

– Нет, – покачал головой Эргавс. – Ты возьмешь моего раба. Он принесет тебе много таких вещей оттуда, где живет Невидимая Смерть. А мне ты дашь Ту-Которая-Лечит.

Купец побледнел.

Это было очень серьезное предложение. Раб, способный выжить в Сумеречной Зоне, даже необученный, ценился очень высоко. А тот предмет, что, по словам Эргавса, являлся действующим оружием Падших Богов, – и того больше. Но Та-Которая-Лечит стоила обеих ценностей, вместе взятых…

Несколько минут в душе сентала шла борьба между желанием урвать сиюминутную выгоду и той перспективой, что давал ему новый раб.

В конце концов победило рациональное начало.

Глубоко и судорожно вздохнув, он направился в глубину комнаты, за ширму, и долго скрежетал там какими-то замками.

Вернувшись, он принес на вспотевшей волосатой ладони небольшой прямоугольник с моргающей на нем зеленой точкой и жирным красным крестом.

– Вот… – хрипло произнес он, передавая эту ценность Эргавсу.

Тот несколько секунд пристально смотрел на диковинную редкость, о которой раньше только слышал, потом поспешно убрал ее с глаз и встал.

– Ты поступил мудро, – произнес он и, даже не оглянувшись на оцепеневшего Рогмана, направился к двери.

Когда овальный люк за его спиной с лязгом встал на место, Эргавс удовлетворенно прорычал что-то нечленораздельное и быстрой поступью пошел к зеву тоннеля, который вел в сторону Плодородных Равнин.

На душе Управляющего Полями вновь было спокойно. Он только что совершил самую удачную сделку в своей жизни. Эргавс был доволен своей изобретательностью. Во-первых, он не отдал Рогмана на растерзание этнамам. Во-вторых, он получил чудодейственное средство от всех мыслимых болезней, что в его возрасте уже являлось не лишним. И, наконец, в-третьих, он теперь ничем не прогневит Падших Богов, ведь когда Рогман умрет в Сумеречной Зоне от прикосновения Невидимой Смерти, это будет уже не его вина, теперь туда Рогмана пошлет купец, хозяин блайтеров…

Нет, определенно тот Алтарь, что много лет назад взорвался на глазах Эргавса, принес ему удачу, надоумив не придушить крохотное, орущее существо, появившееся на свет из внезапно открывшегося ящика!..

День, судя по всему, обещал быть удачным.

Управляющего Полями нисколько не смущало, что он только что продал своего воспитанника в рабство, обрекая его на быструю и мучительную смерть. Он уже не имел к Рогману никакого отношения.

Глава 3
Ищущий-В-Темноте

Сон…

Он спал, скорчившись на дне старого пластикового контейнера, а по его лицу, иссеченному шрамами, блуждала удивленная улыбка…

Это выражение наивного, восторженного изумления, которое заставляло губы Рогмана кривиться в не свойственной его мышцам мимике, казалось жутким… Жутким, потому что бледное, не по годам серьезное лицо подростка было слишком сильно изуродовано жизнью… Оно хранило столько отметин от лишений и невзгод, которые тянулись длинными шрамами по щекам, подбородку, лбу, врезаясь в густую шевелюру русых волос корявыми тропками-просеками, что даже робкая тень от улыбки искажала его черты, натягивая кожу, напитывая рубцы цветом крови, вздергивая уголки растрескавшихся от непреходящей жажды губ…

И тем не менее он улыбался во сне.

Настороженно, скованно, напряженно, но улыбался.

Его сон действительно походил на сказку…

Обычно сновидения не баловали Рогмана своим разнообразием. Тем более тут, в сердце Сумеречной Зоны, где проклятия Падших Богов оставались все так же сильны, как и много веков назад, но на этот раз ему приснилось нечто совершенно необыкновенное…

…Сначала он услышал голос.

Далекий, нежный голос, который медленно выговаривал слова на незнакомом языке. В сочетаниях дивных, ласкающих слух звуков не было ничего от отрывистой, лающей речи сенталов или от протяжных, гортанных слов языка народа этнамов.

Звук неведомого голоса казался сродни ласковому дуновению теплого ветра, который иногда удавалось ощутить, проходя мимо развороченных труб, исчезавших в неведомых недрах разрушенных гневом Богов уровней. Он нес в себе что-то божественное, успокаивающее…

Рогман напрягся, выгибаясь во сне, словно кусок ржавой пружины, к которой приложено усилие.

Первый раз в жизни, подспудно ощутив чье-то присутствие, он не смог проснуться, только тело зашевелилось во сне, скрипнули зубы да ладонь машинально нашарила рифленую рукоять оружия…

Что-то мягкое коснулось его напряженного разума. Будто ласковые, заботливые пальцы пробежались по налитым кровью рубцам, истомной дрожью скользнули вдоль позвоночника, разлились в груди щекочущим теплом…

– КИМПС… – раздался долгий, протяжный, идущий из немыслимой дали стон…

…Он очнулся с резким, болезненным, непроизвольным вскриком.

Немая пустота рванулась к нему со всех сторон, ломая разум своей оглушающей тишью…

Скрипнув зубами, Рогман удержал себя от необдуманных движений. Если есть кто-то рядом, то лучше не шевелиться… Пусть идет на невольный вскрик, если жить надоело…

Какой-то звук все же пробивался извне, текучий, знакомый, как бегущие под туникой щекотливые капли ледяного пота…

Каждая клеточка его тела ныла от напряжения, пальцы правой руки свело судорогой на рукояти оружия. Барабанные перепонки впитывали звенящую тишину окружающего Мира, словно та текла пульсирующими волнами…

Такое пробуждение не назовешь приятным. Чувство неосознанной тревоги, острое, как нож, полосовало по нервам, заставляя его окаменеть, слушая тишину…

«Капель…» – наконец осознал Рогман тот звук, что присутствовал в окружающей его тиши.

Где-то далеко, в сумрачных глубинах уровня капала вода.

От сердца отлегло.

Кап… Кап… Кап…

Он уже окончательно проснулся, но глаз не открывал. Тело задеревенело от неудобной позы и жесткой постели, но он не торопился подавать признаки жизни. Лежал и слушал, как затаившийся зверь, – не почудится ли реального, уже не относящегося к бредовому сновидению шороха, не скрипнет ли кусок пластика под неосторожной поступью… но в вязкой, осязаемой тишине продолжал звучать лишь монотонный звук срывающихся с неведомой высоты капель…

Он был блайтером, и этим сказано все. Само слово, что состояло из двух половин: «блай» – темнота и «тер» – ищущий, – звучало как проклятие. Ищущий-В-Темноте… Их было немного, рабов разного рода-племени, которые отличались от других несчастных лишь своей паранормальной способностью выживать там, куда этнамы и смотреть-то боялись. А именно – в Пустых Секторах.

Рогман широко открыл глаза. Его зрачки описали полукруг, обшаривая вечный сумрак уровня. В ладони правой руки приятной тяжестью угнездилась покрытая рифленой резиной рукоять, из которой начинался длинный, плоский, обоюдоострый клинок. Его металл отливал серо-голубым, как глаза самого Рогмана…

Законы этнамов, запрещающие оружие, действовали лишь там, где горел свет. Рогман зло скривил губу, словно отвечая такой мимикой на собственную мысль. Да, в Городе он автоматически становился клонгом, серой тенью… Послушным, униженным рабом, чье тело неизменно скрывает бесформенная хламида с глубоким капюшоном. Здесь же, в Пустых Секторах, действовали иные правила. На сумеречной, исковерканной равнине царили законы выживания, написанные кровью десятков несчастных, которых посылали сюда на сбор артефактов.

Насколько понимал Рогман, рабы его профессии существовали всегда, наверное, с тех незапамятных пор, когда падение Мрачных Богов превратило в руины огромный участок Мира.

Предания говорят, что это были воистину страшные времена, оттого, наверное, и исчезнувших Богов всякий называет по-разному, кто Падшими, а кто и Мрачными… Сам Рогман, будь ему дана воля решать, назвал бы их немного иначе – Яростными, ведь кому, как не Ищущему-В-Темноте, знать о том, что скрывают в себе вставшие на дыбы руины Мира. По его мнению, они источали именно ярость. Боги, уходя, сжали эту часть Мира в своем могучем кулаке и бросили под ноги неблагодарным выкормышам, дерзнувшим поднять на них руку, – нате, живите, самонадеянные твари!..

…Не обнаружив опасности, он наконец выпрямился, легко и бесшумно соскользнув по наклонной стенке приютившего его контейнера. Пружинисто приземлившись, еще раз огляделся и только после этого позволил свой ладони расслабиться, не так крепко сжимать теплую рукоять самодельного клинка.

Видимо, ему приснился обыкновенный кошмар… Обрывки сна все еще заполняли часть его сознания. Он силился, но не мог понять ускользающего смысла полуосознанных картин. В душе осталась лишь сладкая, кусающая сердце боль, рожденная звуком далекого, нереального голоса…

Присев на корточки, Рогман сунул левую руку за пазуху подпоясанной ремнем туники и достал соевый брикет. Фляга на поясе была пуста, но об этом можно позаботиться позже – звук срывающихся капель по-прежнему звучал где-то поблизости, монотонно и отчетливо. Если вода не отравлена Невидимой Смертью, то он сможет не только напиться, но и пополнить запас.

За те два года, что прошли после памятного полета в трубу, он изменился, возмужал, окреп.

Сейчас на вид ему можно было дать лет девятнадцать-двадцать. Одет просто: кусок грубой ткани, обернутый вокруг тела и скрепленный на правом плече неким подобием броши, составлял весь его гардероб. Светлые волосы перехвачены по лбу тонким нейлоновым шнурком, концы которого свисали от левого виска. На концах шнурка крепились маленькие, но увесистые шарики, – шнур являлся не только деталью скудного гардероба, но и оружием, которое в отсутствие карманов было принято носить таким образом.

Пояс на тунике резко отличался от остальных деталей одежды. Кожаный шнур с хитрым замком не только держал узкую петлю, что чуть отвисала, отягченная голубовато-серым клинком из невиданного материала, еще к нему был приторочен мешок из плотной ткани, который, хотя и оказался наполовину набит разного рода добычей, не мешал при ходьбе и не ощущался Рогманом как груз.

Постепенно его мысли, растревоженные странным сновидением, переместились в более практическую плоскость.

Тщательно пережевывая безвкусную, отдающую травой массу, он покосился на приторочeнный к поясу полупустой мешок, прикидывая, сколько времени еще осталось в его распоряжении.

Получалось – немного. Сухость во рту, неестественное напряжение мышц лица, легкий зуд под коленями – верные признаки приближающегося предела… Однажды он задержался, решив пренебречь этими ненавязчивыми симптомами, и узнал, что такое ломка…

От непрошеных воспоминаний сразу расхотелось есть, а сухость во рту стала такой, что кусок соевой галеты едва не застрял в горле.

«Поганые боги!..» Рогман едва не поддался абсурдному желанию зашвырнуть подальше кусок недоеденного брикета.

«Предел… Вот и снится всякая чушь…» – зло и тоскливо подумал он.

Спрятав еду, он приподнялся, выглянув поверх хаотичного нагромождения порожних пластиковых ящиков.

А заветная цель-то, вот она, близко… Так близко, что кажется – рукой подать…

Рогман уже не в первый раз наблюдал раскинувшийся в сумраке пейзаж, но все равно терялся, изнывая от подспудного желания плюнуть на все и хотя бы раз достичь невозможного…

Перед ним во всей своей мрачной красе лежал Перевал Тьмы – место, где издревле обитали мечты всех рабов, неисчислимого количества их поколений… Вот только цепь, на которую посажен каждый из них, коротка – не дотянешься до мечты, только взвоешь, корчась в ломке, там, где застанет срок, а потом, если не хватит сил повернуть, доползти назад, чтобы валяться в ногах насупленного хозяина, то умрешь в страшных муках и судорогах, глядя издалека на сумеречные вершины и ущелья, за которыми, по преданиям, лежала та самая страна Богов…

Рогман вздрогнул, отгоняя наваждение. Он-то знал самого себя – мог часами смотреть на чудовищный зев провала, который вобрал в себя пространство нескольких обвалившихся уровней древнего Мира. Серая, исковерканная, испещренная прихотливыми разломами ущелий и нагромождениями покореженных конструкций наклонная плоскость уходила вверх, так далеко, что ее верхняя грань, то есть сам перевал, терялась не столько в сумраке, сколько в дымке испарений. Отчего-то воздух там уплотнялся, завиваясь плотным, но невесомым кружевом…

«КИМПС!!!» – внезапно полыхнул в его голове знакомый по сновидению голос.

Это уже не походило на кошмар, рожденный нездоровым, беспокойным забытьем. Да и на зовущий стон тоже… То, что прозвучало в сознании Рогмана, исходило оттуда, из-за

сумеречных вершин, и звучало как полный отчаяния, но изрядно приглушенный расстоянием вопль!..

Кто-то звал его из-за Перевала Тьмы?!

Он вздрогнул, опять окаменев от внутреннего напряжения, но вокруг стояла прежняя звонкая тишина…

Нет… Рогман тряхнул головой, отгоняя наваждение проклятых мест, потому как отлично знал, что посмотрит на перевал и повернет назад. И никакие зовущие, потусторонние голоса не заставят его сделать роковую ошибку, вторично поддавшись жестокому искушению, которое, наверное, и рождало эти галлюцинации… «Не время еще…» – успокаивая сам себя, подумал он.

Цепь была коротка, но если ее не порвать, то растянуть хотя бы можно? – этим вопросом задавался не он один, но не у всех Ищущих-В-Темноте мечта заглянуть за сумеречный перевал была так сильна, как у него.

Мечта…

На лицо Рогмана набежала новая тень непрошеных воспоминаний.

Он слишком хорошо помнил, что родилось в нем раньше мечты о невиданных землях, лежащих за Перевалом Тьмы.

Прежде он обрел свою цепь, а уж потом начал рваться с нее, словно ополоумевший лимминг…

Сюда, в Пустые Сектора, он попал несколько лет назад…

…Рогман все же заставил себя сунуть руку за пазуху и достать оттуда недоеденный брикет. Как бы ни было скверно на душе, а кормить себя он обязан: путь назад предстоял неблизкий, и мало ли чего не хочется…

Откусывая отдающую травой соевую массу, он продолжал настороженно шарить взглядом по сторонам, а мысли текли, облекаясь в форму воспоминаний, таких ненужных сейчас, непрошеных, незваных…

* * *

…Процесс обучения блайтеров протекал весьма незамысловато и болезненно.

Рогмана посадили в клетку. Рядом с ним стояло еще несколько неказистых металлических узилищ, в одном из которых сидел незнакомый ему сентал, другое занимал пойманный где-то дикий, и еще несколько клеток поменьше делили между собой крыса-переросток, подслеповатый кнурт с нижних уровней, – полуразумное, похожее на собаку существо с рыжей, свалявшейся клоками шерстью, и два нетопыря с широкими кожистыми крыльями, которые достигали в своем размахе почти что метра.

Обучение сводилось к тому, что в центре помещения между клетками раб-сентал устанавливал стол, на котором Хозяин, которого звали Ургун, бережно раскладывал принесенные из хранилища вещи.

Узникам предписывалось подойти вплотную к прутьям клетки и внимательно смотреть на разложенные предметы, стараясь накрепко запомнить их очертания. При этом все помещение оставалось погружено в плотный сумрак. Раб-сентал ходил между клетками. В одной его руке была зажата дубинка, от прикосновения которой между телом и наконечником проскакивала яркая голубая искра, вызывая адскую боль в пораженном месте, а в другой он держал плошку с бледно-синими гранулами. Их полагалось вложить в рот, под язык, и смотреть на сумеречные очертания разместившихся на столе предметов.

Рогман не знал, что такое наркотик. Его первое знакомство с бледно-голубым веществом прошло вполне спокойно, доза оказалась достаточно слабой, и в первый момент он действительно почувствовал странный, прямо-таки эйфорический прилив сил – его зрение обостри-

лось, разум, казалось, сам потянулся к разложенным на столе предметам, накрепко впитывая в память их контуры, но это достаточно быстро прошло, состояние упоенной ободренности длилось не больше десяти-пятнадцати минут, и вслед за ним на удивленного юношу вдруг обрушились такие апатия и слабость, что он, не удержавшись на ногах, медленно ополз на пол своей клетки.

Раб-сентал понимающе усмехнулся и протянул ему миску с голубоватыми гранулами.

Только много позже Рогман понял, какую недопустимую ошибку он совершил, впервые взяв эту ядовитую пакость.

Понимание пришло примерно через неделю.

Просто в какой-то из дней никто из узников этой страшной «школы» вдруг не получил обычной порции наркотического вещества.

Последствия не заставили себя ждать.

Уже на второй день после последнего приема голубоватых гранул Рогман увидел, как беснуется в своей клетке непомерно большая крыса.

Она бессмысленно кидалась на прочные стальные прутья, разбиваясь о них в кровь, пыталась грызть их, обламывая зубы, потом вдруг забилась в конвульсиях, изрыгая отвратительную пену…

Следом за ней нечто подобное произошло и с другими обитателями клеток.

Рогман, как оказалось, держался дольше всех. Он тоже почувствовал себя не лучшим образом. Сухость во рту, спазмы мышц лица, ноющая боль под коленями и жажда, жгучая, сводящая с ума жажда, хотя рот был полон свернувшейся клубком слюны…

Его мучили страшные галлюцинации. Сидеть на месте не представлялось никакой возможности. Стоило лишь на мгновение сосредоточиться на своих муках, и все: тело мгновенно выскакивало из-под контроля мозга, само по себе рвалось бежать куда-то, биться в кровь о прутья клетки… руки начинали рвать свою же плоть, в исступленном желании сделать хоть что-нибудь, хоть как-то унять непонятный, сжигающий изнутри огонь…

Ему хотелось одного – этих самых проклятых гранул. Впервые в жизни Рогман понял, что готов на все, лишь бы почувствовать под языком горьковатый катышек…

Когда бороться с самим собой уже не было никаких сил, в комнате появился Хозяин.

Остановившись подле стола, в центре помещения, он долгим, пытливым взглядом обвел клетки с узниками.

Как понял потом Рогман, крыса, кнурт и дикий были к тому моменту мертвы. В живых оставались сентал, он сам и два огромных нетопыря, рассаженных по разным клеткам.

Ургун подошел к клеткам с нетопырями и долго, пристально смотрел в глаза обессилевшим от ломки существам. Тогда Рогман еще не понимал, что тот беседует с ними. Сам он научился такому разговору гораздо позже.

Следующим был он.

Хозяин подошел к клетке Рогмана, который без сил лежал на полу, уставившись погасшим, бессмысленным взором в противоположную стену. Его одежда была изодрана в клочья и перемазана кровью.

– Ты будешь служить мне, клонг… – жутко усмехнулся Ургун, присев на корточки и заглядывая в глаза Рогману. – Каждый предмет, принесенный тобой из Сумеречной Зоны, будет вознагражден одной гранулой, – он разжал ладонь, и щекочущий запах наркотика полоснул обоняние Рогмана…

Еще минуту назад он собирался умереть, вконец обессилев от мук. Ему казалось: пусть с ним делают что хотят, как и в случае с Нейрой, последним задержавшимся в его сознании чувством было отвращение к мучителю и стойкое желание умереть, но не подчиниться…

Однако вся его решимость мгновенно растаяла.

Он не ведал, что творил. С диким рычанием Рогман вскочил, ударившись о прутья клетки. Из уголков его рта стекала слюна. Он дрожал всем телом, впитывая этот запах, а изнутри его уже сотрясали сладостные конвульсии ПРЕДВКУШЕНИЯ, и разум оказался бессилен перед этим.

Вытянув язык, он раболепно слизывал с волосатой ладони крупицы раздавленной в порошок гранулы, ненавидя, презирая себя за слабость…

Так он стал блайтером.

Через несколько дней его вместе с сенталом и двумя огромными летучими созданиями ночью, когда город спал, вывели через тайный проход на окраину Сумеречной Зоны и оставили там, предупредив, что их срок – ровно неделя, дальше неизбежно начнется ломка.

Из первой вылазки вернулись только Рогман и один нетопырь.

Сентал и собрат летучего создания навсегда сгинули на просторах Сумеречной Зоны, пополнив собой длинный список жертв этого страшного и таинственного места…

* * *

…Наваждение схлынуло вместе с последним отправленным в рот кусочком брикета.

«Мечта…» – с неизъяснимой горечью мысленно повторил он, подбирая с ладони последние крошки безвкусной массы. Это слово виделось ему, будто маленькое живое существо, что постоянно присутствовало рядом, бежало теплым комочком где-то у твоих ног, и, в конце концов, являлось именно тем, ради чего стоило жить…

Странное, сосущее чувство в груди, именно оно оказалось сильнее страха перед физическим страданием. Стандартный срок был коротким – неделя. А до подножия Перевала Тьмы – три с половиной дня пути. Ровно столько, чтобы прийти к подножию, взглянуть в туманную, сумеречную высь и повернуть обратно, к проклятому Городу…

Рогман был упрям. Однажды он попытался начать восхождение, наплевав на срок, переоценив свои силы. Получилось из рук вон плохо. Он задержался на целые сутки, карабкаясь по вздыбленным в незапамятные времена стенам Мира, метр за метром приближаясь к Мечте, а когда понял, что на подъем нужна неделя, не меньше, и скрепя сердце повернул обратно, то было уже поздно.

Цепь натянулась, карая ослушника, и он упал, раздираемый ломкой, в одном дневном переходе от Города…

В тот раз ему повезло, после стычек с дикими окраину Сумеречной Зоны патрулировали отряды солдат. Его подобрали и отволокли к хозяину, изрядно избив по дороге.

С тех пор прошло уже немало времени, но Рогман не возобновлял попыток восхождения, накрепко запомнив полученный урок.

Это не значило, что он отказался от таких попыток вообще. В душе он знал, что рано или поздно Перевал Тьмы покорится ему. Просто он не хотел стать сморщенным трупом с ввалившимися щеками и пустыми, глядящими в никуда глазницами. Он хотел жить и потому поклялся сам себе действовать наверняка…

…Вздохнув, он в последний раз взглянул на туманные высоты, размышляя о том, какими они были, Мрачные Боги, что обрушили в этом месте стены Мира? И если они столь могучи, то как удалось простым смертным низвергнуть их?

На эти вопросы не было ответа. «Хотя, быть может, тайна Мрачных Богов как раз и скрыта за манящими вершинами Перевала Тьмы? – размышлял он, поворачивая назад. – Кто знает?..»

Звук срывающейся воды стал отчетливее.

Рогман остановился, прислушиваясь.

Его глаза пытливо смотрели в сумрак, пытаясь поймать движение смутных теней. Рогман знал, что пустота Сумеречной Зоны – это лишь обман, иллюзия. Пустые Сектора на самом деле населены, и достаточно плотно. Тут обитало около тридцати видов животных, а растений, различной плесени да мхов – хоть отбавляй.

Наконец он расслабил мускулы и вздохнул. При этом его взгляд разительно изменился: глаза потускнели, и в них, кроме естественного разочарования, проскользнула глубокая, затаенная печаль.

Рогман вновь пошел на звук капающей воды.

Под босыми ногами тихо похрустывали осколки облицовочного пластика, который давно облупился со стен, обнажив решетчатый каркас. Изредка дорогу перегораживали свисающие с низкого потолка ржавые гнутые балки. В некоторых местах по стенам, оставляя рыжие потеки, каплями сочилась вода. Железо в Сумеречной Зоне болело ржой сплошь и рядом. Свет был тусклым и неверным.

«Идеальные места для охоты…» – осматриваясь, подумал Рогман. Он знал, что здесь можно встретить не только огромных крыс, но и целый выводок ленивых шерстобрюхов или, на худой конец, просто насобирать притаившихся среди потеков воды под потолком жирных слизняков…

Единственное, чего не знал молодой, но уже битый и калеченный жизнью раб, – зачем Падшие Боги создали это место.

Огромное, исковерканное пространство простиралось перед ним. Настолько большое, что нигде, в какую сторону ни посмотри, не увидишь стен Мира, которые терялись в сумраке, столь далекие, что об их присутствии можно было лишь догадываться. Впрочем, наличие стен не вызывало никаких сомнений, а их отсутствие, пусть воображаемое, казалось столь невероятным, что даже не принималось рассудком.

Однако он не мог отделаться от чувства тайной уверенности, похожей на скрытое знание: что-то было не так в этом гиблом, пораженном давним гневом Богов Мире… но вот что? Понимание этого каждый раз ускользало от Рогмана, хотя частенько ему казалось – он сейчас поймает, ухватит кончик той нити, что даст ему наконец ответ на вопрос: зачем существует Мир? Почему он устроен именно так? Где смысл?

Рогман мог поклясться, что ни один, даже самый просвещенный, обитатель Города ни разу не задавал себе подобных вопросов. Для тех, кто называл его клонгом, презренным рабом, таких вопросов попросту не существовало. Есть, пить, спать, работать, развлекаться… – разве в этом был смысл?

Хуже всего бывало Рогману в такие моменты, когда он находил останки своих соплеменников.

Такое случалось крайне редко, количество страшных находок он мог пересчитать по пальцам, вспомнить в мельчайших подробностях.

Почему каждый раз его охватывала такая неизбывная тоска? Отчего на душе становилось тяжело и неспокойно при виде разоренных временем и мародерами помещений с истлевшими свидетельствами былой жизни? Что оборвалась тут много веков назад? Куда вел его этот гиблый путь сомнений, душевных мук и затаенной гордости?

Не отдавая себе отчета в происходящих день ото дня переменах, Рогман все глубже погружался в самого себя, замыкался, становился злее, жестче, словно из него по капле истекала душа, оставляя свои частички в недрах Сумеречной Зоны.

Это неизбежно должно было привести к бессмысленному бунту.

Бессмысленному потому, что он оставался зависим от голубоватых гранул наркотика. Сидел на цепи, словно паршивый лимминг.

* * *

В этот раз он опять возвращался налегке.

Последние вылазки в Сумеречную Зону не принесли его Хозяину особой прибыли. Ургун морщился, но пока терпел, глядя, как его лучший раб раз за разом выкладывает из мешка разную никчемную мелочь: то стопку неиспользованных тарелок из невесомого материала, то красивые, но совершенно бесполезные для практического применения нежно-розовые колючие кристаллы неизвестного предназначения, то пару покрытых налетом плесени ремней с пустыми кобурами для оружия.

Однако Ургун терпел, воздерживаясь от побоев. Он подозревал – что-то не так, но разве уследишь за путем блайтера? Тем более такого, как Рогман?

Сумеречная Зона действовала на него совершенно не так, как на других рабов. Он нырял в нее, будто мышь в родную нору. Если у других зона отнимала жизнь, то ему, похоже, оказались совсем нипочем и затхлая тишина коридоров, и мерзкие глубины Гиблых Впадин, и даже сама Невидимая Смерть обходила стороной этого везучего клонга. Он вырос, раздался в плечах, и рабская хламида уже с трудом скрывала его поджарое, сильное тело.

Глядя на Рогмана, Ургун уже не раз ловил себя на том, что ощущает исходящую от раба угрозу. И для таких подозрений у него действительно были причины.

С того памятного дня первой ломки юный раб никогда больше не унижался перед ним. Пережив ее, он твердо усвоил урок, но это не сделало его сродни другим несчастным, что регулярно появлялись в распоряжении Ургуна и так же быстро исчезали: кто в Пустых Секторах, а кто и тут, обожравшись сверх меры наркотических гранул после удачной вылазки. Рогман же казался неколебим. Его затравленная покорность как-то неприметно трансформировалась, превратившись в угрюмую, неприветливую решимость жить определенным образом. Спустя некоторое время купцу оказалось трудно вообразить, что вот этот самый раб жрал с его ладони… Теперь он, наверное, не решился бы поднести свою волосатую руку ко рту удачливого блайтера – еще отхватит палец, пойди узнай, что у него на уме?..

…Сейчас Рогман шел привычной дорогой. До первых тоннелей, которые вели к Городу этнамов, оставалось не больше суток пути. Недалеко от передовых застав ему предстояло зайти в укромное место, где он намеревался оставить часть найденного и переодеться.

Прикидывая в уме, что отнести на этот раз Хозяину, а что оставить про запас, на черный день, он ощущал раздражение и гнев.

Его срок опять вышел… Удавка, накинутая на шею, не давала покоя – чем старше он становился, тем сильнее душила Рогмана рабская зависимость. В душе, словно слизь на стенах покинутого тоннеля, копилась черная, тягучая ненависть. Шрамы на теле заживали, одни легче, другие труднее, а вот в душе – нет. Не было дано ему от природы это свойство – забыть.

Он знал, что голубые гранулы наркотика вырабатывались из особого вида тоннельной плесени. Среди блайтеров ходили упорные слухи, что ее источник кроется где-то в нижних горизонтах Сумеречной Зоны, и Рогман знал, если она есть, эта проклятая плесень, то он ее найдет.

Ургун не зря испытывал беспокойство при виде мрачного лица молодого блайтера – Хозяин занимал первую строку в мысленном списке Рогмана.

По этому списку он раздаст свою скопившуюся ненависть к мучителям, как только сумеет порвать цепь наркотической зависимости.

А потом уйдет. Навсегда. Искать тот смысл всего сущего, что так упорно ускользал от его понимания.

Оставалась сущая ерунда – найти тот таинственный источник, из которого пополняет свой запас хозяин Ищущих-В-Темноте.

* * *

У каждого блайтера в Сумеречной Зоне были свои заветные тропы.

Рогман развязал мешок и достал оттуда мягкие шнурованные ботинки с прочной рифленой подошвой. Он привык ходить босиком, но там, куда он собрался, пренебрегать защитой обуви не следовало. Недра Мира не терпят беспечных.

В запасе у него оставалось еще пять-шесть часов, которые он собирался посвятить спуску в недавно обнаруженный вертикальный тоннель. В прошлый раз ему не удалось достичь дна, и блайтера мучил вполне закономерный вопрос – не там ли обитает заветная плесень?

Обувшись, он подошел к массивному люку, который выделялся на полу темным кругом, с усилием отодвинул его и заглянул вниз. По стволу вертикальной шахты тянулась бесконечная череда сырых, покрытых шелушащейся проказой скоб.

Он даже приблизительно не представлял ее длины – свет фонаря тонул в бесконечности, то же самое произошло с брошенным вниз обломком: Рогман так и не дождался гулкого шлепка о дно.

Соскользнув в вертикальный ствол, он быстро полез вниз.

Шахта действительно вела в неизведанные глубины Мира. Прошло полчаса, час, а спуск все продолжался. В тусклом свете укрепленного на лбу фонаря, который Рогман включал через каждые сто пройденных скоб, по-прежнему виднелась лишь покрытая ржавыми потеками противоположная стена трубы, и только однажды ему удалось разглядеть старую овальную дверь, но она оказалась плотно закрыта, а по ее контуру скопились безобразные наросты больного железа. Висящему на одной руке блайтеру ни за что не удалось бы даже чуть приоткрыть массивный овал. Только намучился да измазался рыжей проказой, которая пятнами выступала из-под некогда блестящей поверхности.

Передохнув, он возобновил спуск.

Машинально перебирая руками по ржавым скобам, он продолжал невесело размышлять о своей сегодняшней судьбе.

На свободу Рогмана могло вывести только два пути. Первый – это пережить ломку и навек остаться в Сумеречной Зоне. Иногда он всерьез задумывался над этим, но еще не дошел до той степени отчаяния, когда подобные мысли обретают законченную неизбежность. Второй путь казался более реальным – Ургун готов был отпустить на свободу любого блайтера, кто принесет ему что-то действительно ценное. Такой предмет, чье назначение будет разгадано, а польза огромна и очевидна.

Рогман не был столь наивен, чтобы верить на слово Хозяину, но, зная алчность Ургуна, он всерьез надеялся поторговаться с сенталом. Он не собирался жить в Городе этнамов. Там он был чужим. Единственное, что требовалось блайтеру, – это противоядие от порочной зависимости. Освободившись от своей незримой цепи, он и без согласия скаредного и жестокого торговца артефактами сможет уйти навсегда… А если цепь не оборвать, то много будет стоить великодушно дарованная свобода?!

Но Рогман верил, что в Мире есть немало мест, способных приютить блайтера, дать ему пищу, кров и новую цель в жизни.

Пока он размышлял, минула очередная сотня проржавевших скоб. Спуск продолжался вот уже два часа. Ладони Рогмана, содранные о больное железо, горели огнем, но он не обращал внимания на зуд. Остановившись, блайтер просунул руку под скобу, согнул локоть и зажег фонарь.

Тусклый свет разлился по вертикальной шахте, осветив ее стены.

Направив рассеянный луч вниз, он увидел клубящийся туман. Белесая стена перекрывала отвесный тоннель. Она ворочалась, как живая, медленно вспухая языками испарений.

На секунду его сердце сжал страх. Вслед за ним пришло разочарование: стоило тратить столько времени на спуск, чтобы в конце концов столкнуться с непроходимой белесой стеной!..

Лезть туда было безумием. Туман вполне мог оказаться живой субстанцией, – глядя на поднимающиеся кверху жадные, блуждающие языки ядовитого марева, Рогман почти не сомневался в том, что перед ним не просто испарения. На всякий случай он развязал свой мешок, вытащил оттуда бесформенный кусок оплавленного пластика величиной с кулак, прихваченный с поверхности как раз на такой случай, и кинул его вниз.

Клочковатая мгла всколыхнулась, мгновенно собравшись в жадный, ищущий протуберанец, рванулась навстречу движению, на секунду открыв взгляду влажные стенки шахты, но удержать увесистый обломок не смогла, тот оказался слишком тяжелой добычей для сообщества взвешенных в воздухе живых капелек. Белесая мгла прогнулась, опадая вниз, вслед за ускользающей добычей, и в этот момент Рогман наконец разглядел конец шахты!

Внизу находился ровный срез черноты, в которой что-то вяло плескалось. Живой туман, или росянка, с которой ему уже приходилось сталкиваться, опадал вниз, увлекаемый инстинктивной жадностью. Затем раздался глухой всплеск, эхо от которого неприятно отразилось от гулких стен огромной, наполовину пустой емкости. Свет фонаря не достигал ни ее дна, ни даже поверхности той жидкости, порождением которой являлся живой туман.

Зато он смог разглядеть нечто другое. Вереница скоб оканчивалась решетчатой площадкой с хлипкими перильцами из тонких металлических прутьев. От площадки уходил короткий отрезок лестницы, которая казалась подвешенной в пустоте.

«Рискнуть?» – подумал Рогман, глядя, как внизу конденсируется опавшая туда вслед за камнем стена живого тумана. Из опыта он знал, что росянка медлительна: ей нужно много времени, чтобы вновь подняться вверх и закупорить своей невесомой массой зев тоннеля. Отдельных ее сгустков можно было не опасаться, в крайнем случае обожгут незащищенные участки кожи. Живой туман опасен, если попадешь в него целиком и не сумеешь быстро выбраться. Тогда пощады не жди, ожогами не отделаешься. Туман растворит все: и плоть, и кости, и даже ткань одежды, наверное…

Рогману уже приходилось видеть блайтера, что неосторожно искупался в таком тумане. Он выбрался из него, но ослеп, а вся его кожа напоминала собой одну огромную рану. От одежды несчастного остался лишь пластиковый ремень да прочная веревка из нетленного материала, которая плавилась, когда к ней подносили огонь. Промучившись сутки, блайтер умер.

«Только взгляну, куда ведет лестница, и сразу же наверх», – решил про себя Рогман, возобновляя спуск. Фонарь он не выключил, нечего экономить, когда вокруг уже появились первые клочья жадной субстанции.

Отрезок в тридцать скоб он преодолел меньше чем за минуту. Коснувшись ногами гулкой решетчатой площадки, Рогман замер. Лестница, кусок которой он наблюдал из тоннеля, резко уходила вверх, к невидимому отсюда своду. Там, под потолком, что-то светилось, какие-то неясные фосфоресцирующие огоньки вяло плавали в воздухе, сплетая медленные, ленивые па вечного танца. Тусклый луч фонаря метнулся по влажным, покрытым слизью стенам, и тут Рогман увидел небольшого тоннельного слизня, близкого родственника шерстобрюха, который медленно полз над самой лестницей, счищая своей волосатой подошвой налет со стены.

Это открытие поведало ему о многом. Во-первых, живой туман не поднимался выше, иначе тоннельный слизень уже был бы сожран вечно голодными капельками росянки. Во-вторых, отсюда существовал второй выход, расположенный скорее всего наверху, во мраке, куда уходила протянутая вдоль стены лестница. Блайтер сделал такой вывод, зная, что мятущиеся под потолком огоньки являлись спутниками более крупных летающих обитателей Сумеречной Зоны – нетопырей и, как правило, окружали их гнезда, где маленькие светлячки питались пометом…

Все эти мысли, вихрем промелькнувшие в голове Рогмана, выразились только в одном: он, не выключая фонаря, рванул вверх по лестнице, едва касаясь руками хлипких, обросших ржавчиной перил ограждения.

В логике этого поступка присутствовала изрядная доля риска. Но возвращение по скобам вертикальной шахты отнимало время и не сулило никаких находок, а тут лежал путь в неведомое, но путь осмысленный. Вверху обязательно должен быть выход. Ни летучие обитатели подземелий, ни шерстобрюхи, ни слизни никогда не выживут в замкнутом помещении. Любая живность имеет свойство плодиться, а еда, как известно, кончается. Но выход через шахту преграждал живой туман, значит, наверху лежал еще один путь, который выводил на поверхность, в открытое пространство Сумеречной Зоны, никак не меньше. За свою бытность блайтером Рогман успел усвоить одну из закономерностей Мира, в котором жил, – тут нет помещений, оканчивающихся ничем. Тупиком могла стать маленькая комнатка, но большой зал – никогда. Всю Сумеречную Зону и ее недра пронизывала сеть тоннелей, шахт, коридоров, вентиляционных труб, причем они часто повторяли путь друг друга, пролегая параллельно. Конечно, никто не застрахован от внезапного препятствия, но Рогман, ко всему прочему, верил в свою удачу. До сих пор не подводила, не подведет и теперь…

Через несколько минут он с удовлетворением понял, что не ошибся насчет гнездовий нетопырей, а значит, и в остальном тоже был прав. Под сводчатым потолком, на длинных решетчатых балках, покрытых замысловатой бахромой плесени, которая приспособилась пожирать ржавчину, лепились продолговатые гнезда, украшенные сосульками испражнений. Вокруг них как раз и роились маленькие студенистые светлячки. Вот только гнезда оказались пусты. Рогман задержался подле них, заинтригованный данным обстоятельством. Гнездовья выглядели так, словно жизнь покинула их совсем недавно. Кое-где еще можно было заметить прилипшие к балкам клочки серой шерстки. Да и запах тут стоял вполне соответственный обжитым местам. Куда же подевались обитатели покинутых гнезд?!

К нетопырям Рогман не испытывал ни неприязни, ни страха. В свое время он сидел в клетке рядом с двумя такими существами и находил их компанию вполне сносной. Клинки, что на языке этнамов означало – «сосущие кровь», умели разговаривать мыслями, посылая в мозг собеседника туманные картинки-образы. С одним из представителей этого племени Рогман подружился, и они вместе совершали свои первые вылазки в Сумеречную Зону. Возможно, нетопырь, который чувствовал себя в искореженном сумраке вставшего на дыбы Мира как дома, и помог Рогману освоиться в нем, стать блайтером не по названию, а по сути.

«Жаль, сгинул Ушастый…» – с тоскливой грустью подумал он, глядя на пустые гнезда и вспоминая своего первого настоящего друга. Нетопырь исчез больше года назад, не вернувшись из очередной вылазки. Может, попал в передрягу, а может, не ко времени встретил срок и не выдержал приступа ломки…

Пока он исследовал брошенные гнездовья летучих вампиров, свет фонаря начал заметно тускнеть. Рогман погасил его, достал из мешка прозрачный, невесомый пакет из созданного Богами материала, растопырил его горловину и принялся собирать светящиеся сгустки слизи, что облепили покинутые гнезда плотной фосфоресцирующей массой. В результате у него получился неплохой источник света.

Закончив с этим, он вновь зашагал по гулким, вибрирующим под ногами ступеням, что вели к близкому уже потолку. Там, между решетчатых опор, взгляд Рогмана уже отыскал огромное темное окно, рядом с которым смутно виднелась дверь.

* * *

Преодолев последний пролет лестницы, он оказался перед неплотно притворенной дверью. На ней была прикреплена табличка с какими-то знаками. Огромное овальное окно покрывал толстый слой поселившейся на небьющемся стекле плесени.

Дверь под его нажимом отворилась с неприятным, протяжным скрежетом. Перешагнув порог, Рогман поднял повыше свой самодельный светильник, огляделся, и… внутри у него вдруг что-то оборвалось от дурного, нехорошего предчувствия.

Выхода не было. В стене комнаты напротив окна располагалась прямоугольная ниша, которая раньше закрывалась двумя створками сдвижных дверей. Сейчас они оказались наполовину открыты. То, что в незапамятные времена помешало им сдвинуться, сейчас лежало на полу горстью бесформенного праха, а створки дверей так и остались ржаветь, заклиненные на половине своего хода.

Однако Рогману от этого не становилось легче. Он кое-как смог догадаться, что перед ним подъемник, который когда-то толкала вверх-вниз божественная сила, но теперь он казался таким же мертвым, как и весь Мир вокруг.

«Как же так?! – с отчаянием подумал он, напрасно обшаривая глазами периметр грязных, испятнанных плесенью стен в поисках двери. – Нетопыри ведь должны были покидать зал!..»

И тут он понял – дыра! От досады на собственную глупую беспечность хотелось взвыть, врезав себе по лбу ладонью. Они же ЛЕТАЮТ! Значит, где-то в потолке зала есть дыра или еще один ствол вентиляции, а этот путь – тупик.

Выскочив наружу, он направил вниз луч гаснущего фонаря, но тот уже едва светил и не смог развеять мрак дальше, чем на два-три метра. Тогда Рогман взял прозрачный мешок со светящимися студенистыми комочками и кинул его в воду, стараясь попасть в район той площадки, которой оканчивалась вертикальная шахта со скобами.

Затаив дыхание, он следил за падением импровизированного живого фонаря. В неверном свете он успел разглядеть средний пролет лестницы, перила которой уже облизывал поднявшийся кверху туман, потом его фонарь потускнел, погружаясь в белесую мглу, и пропал с тихим придушенным всплеском.

Вот это называется – влип…

Туман уже поднялся достаточно высоко, скрыв устье той шахты, через которую попал сюда блайтер, и, судя по падению светящегося мешочка, хищная каплеобразная взвесь больше не собиралась кидаться вослед маленькому, летящему сквозь нее предмету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.